

Петр Ершов

Стихотворения

Петр Ершов

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11699062

Аннотация

«Стихотворения» – произведение русского поэта, прозаика и драматурга П. П. Ершова (1815 – 1869).***

Первый сборник избранных стихов автор подготовил в 1854 году, но при жизни поэта не было издано ни одного – «Конек-Горбунок» все затмил. Он переиздавался много раз, так что у читателей не было возможности узнать еще и стихи автора. Однако тематика стихотворений поэта разнообразна: «Сибирский казак», «Смерть Ермака», «Русский штык», «Ночь на Рождество Христово», «Молодой орел», «Русская песня», «Первая любовь», «Семейство роз», «Прощание с Петербургом» и другие.

Перу Ершова принадлежат и такие произведения: «Суворов и станционный смотритель», «Кузнец Базим, или Изворотливость бедняка».

Содержание

СИБИРСКИЙ КАЗАК	9
1	9
2	19
СУЗГЕ	32
1	33
2	35
3	38
4	40
5	43
6	45
7	47
8	49
9	51
10	53
11	56
12	58
13	60
14	62
15	64
16	67
17	69
18	71
19	73

20	75
21	77
22	80
ПЕСНЯ КАЗАКА	82
СМЕРТЬ ЕРМАКА	84
РУССКИЙ ШТЫК[33]	86
МОНОЛОГ СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО	88
СМЕРТЬ СВЯТОСЛАВА[38]	90
НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО[42]	93
МОЛОДОЙ ОРЕЛ[57]	98
РУССКАЯ ПЕСНЯ[58]	101
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ[59]	102
ТУЧА	105
НОЧЬ[61]	107
ДУБ[63]	109
ТИМКОВСКОМУ. НА ОТЪЕЗД ЕГО В АМЕРИКУ[65]	111
ЖЕЛАНИЕ[66]	115
ПЕСНЯ ОТРОКА	117
ПЕСНЯ СТАРИКА ЛУКИ	118
«ВСТУПАЯ В СВЕТ НЕБЛАГОДАРНЫЙ...»[70]	120
СЕМЕЙСТВО РОЗ[71]	121
ПРОЩАНИЕ С ПЕТЕРБУРГОМ[74]	128
ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ[78]	132
КТО ОН?[81]	139

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВЕТ[82]	141
КОЛЬЦО С БИРЮЗОЮ	143
МУЗЫКА[84]	145
К ДРУЗЬЯМ[85]	148
ВОПРОС[86]	150
К МУЗЕ[88]	153
ПРАЗДНИК СЕРДЦА[92]	157
ДВЕ МУЗЫ	159
ШАТЕР ПРИРОДЫ	163
ОСЬМИСТИШИЯ[93]	164
1	164
2	165
ЖЕЛАНИЕ ЛЮБВИ	166
СОН	168
ПЕРЕМЕНА	171
ПЕРВЫЙ ВЕСЕННИЙ ЦВЕТОК[94]	172
ДРУЗЬЯМ	174
ЗИМНИЙ ВЕЧЕР[95]	178
МОЯ ПОЕЗДКА[96]	180
Выезд	180
Поле за заставой	182
Песня птички	184
Скорая езда	186
Дорога	188
Гроза	190
ПАЛЫ[100]	192

«ПРИРОДА СКРЫТА В РИЗЕ НОЧИ...»[101]	194
«ОДИН, СПОКОЕН, МОЛЧАЛИВ...»[102]	195
ЭКСПРОМТ[103]	197
КЛАД ДУШИ	199
В АЛЬБОМ С. П. Ж<ИЛИНОЙ>[104]	203
НА ОТЪЕЗД А. П. И С. П.	204
Ж<ИЛИНЫХ>[105]	
«ЭКСПРОМТЫ НА НОВЫЙ 1842 ГОД»	206
1	206
2	207
«НЕ ТОТ ЛЮБИЛ, ЛЮБВИ КТО СВЕДАЛ СЛАДОСТЬ...»	208
ГРУСТЬ	209
«РАНО УТРОМ ПОД ОКНОМ...»[106]	210
ВОСПОМИНАНИЕ	212
ТРИ ВЗГЛЯДА[108]	214
ОПРАВДАНИЕ[109]	215
МОЯ ЗВЕЗДА[111]	219
ХРАМ СЕРДЦА	221
«ПЕЧАЛЬНЫ БЫЛИ НАШИ ДНИ...»[112]	223
НОС	224
АЛЕКСЕЮ ЕГОРОВИЧУ ВИКТОРОВУ[114]	228
В. А. АНДРОННИКОВУ[120]	230
ОДИНОЧЕСТВО	232
PARBLEU OU POUR LE BLEU[121]	233

1	233
2	235
3	236
4	237
5	238
6	239
7	240
8	241
ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМ ВОЕННЫХ	242
ЭПИГРАММЫ[129]	244
Поклонникам латыни[130]	244
1	244
2	245
Старые и новые порядки[133]	246
Проект нового закона	247
По прочтении одной газетной статьи М. Знаменскому[136]	248
А. И. Деспоту-Зеновичу[137]	249
Купцу Плеханову[138]	250
К одной филантропке	251
«Превосходительство и превосходство...»[139]	252
«Чему завидовать, что некий господин...»[140]	253
Нигилисту-естественнику	254
«Палестину нашу...»[142]	255
	256

«Такой народ здесь хлебосол...»	257
«Его со спичами в устах...»[144]	258
Некоему прогрессисту[146]	259
Публицисту-педагогу	260
«Двум тощим выходцам...»	261
«Мои приятели Федулы...»	262
«До сих бы пор я отвергал...»[148]	263
«Осел останется ослом...»[149]	264
«Не забыта мать-Россия...»	265

Петр Ершов

СТИХОТВОРЕНИЯ

СИБИРСКИЙ КАЗАК

Старинная быль¹

1

Рано утром, весной
На редут крепостной
Раз поднялся пушкарь поседелый.
Брякнул сабли кольцом,
Дернул сивым усом
И раздул он фитиль догорелый.
Он у пушки стоит,
Он на крепость глядит
Сквозь прозрачные волны тумана...
Вот мелькнул белый плат

---

¹ Сибирский казак. Старинная быль (с. 29). Впервые: часть 1 – Библиотека для чтения, 1335, т. 8 (цензурное разрешение – 28 декабря 1834); часть 2 – Библиотека для чтения, 1835, т. 10. Часть 1 в начале XX века бытовала среди сибирских казаков «как любимейшая песня» неизвестного автора.

У высоких палат
Удальца-молодца атамана.
И с веселым лицом,
Осеняся крестом,
Он над медною пушкой склонился.
Пламень брызнул струей,
Дым разлился волной —
И по крепости гул прокатился.
Вот к обедне звонят...
Казаки мигом в ряд —
И пошли в божью церковь молиться,
Да поклоном земным
Поклониться святым,
Да к честному кресту приложиться.
Но казак молодой
Не спешит за толпой,
Помолиться святым не радеет;
Он стоит, молчалив,
И ни мертв и ни жив —
Кровь в груди то кипит, то хладеет.
Вот, одетый в стихарь²,
Заклепал³ пономарь⁴
На высокой звоннице к достойной⁵.

---

² Стихарь – священная одежда, надеваемая во время христианского Богослужения.

³ Заклепать – зазвонить.

⁴ Пономарь – церковнослужитель, помогающий при Богослужении.

⁵ «Достойно...» – начало одной из церковных молитв.

И казак задрожал —
Жгучей искрой запал
Червь укора в душе неспокойной.
Он в храм божий спешит,
Но боится вступить
И стоит одинок у порогу;
Он глядит на народ
И креста не кладет,
И не молится русскому Богу.
Освещен божий храм!
И святой фимиам⁶
Будто ризой народ одевает,
А казаки поют
Да поклоны кладут, —
Атаман с есаульством читает.
Служба кончилась. Вот —
Атаман наперед
И за ним молодцы есаулы⁷ —
Приложась к образам,
Казаки по домам
Разошлись, говоря про аулы.
А казак молодой
С непокойной душой
В церковь божию робко вступает;
К алтарю он идет,
Тихо старца зовет

---

⁶ Фимиам (ладан) — благовоние.

⁷ Есаул — выборный чин в казачьем войске.

И с слезами к ногам упадет.
«Мой отец, поспеши!
Тяжкий грех разреши!
Погибаю я, грешный душою».
— «Сколь бы грех ни велик, —
Говорит духовник, —
Не утаи ничего предо мною».
И казак отвечал:
«Атаман приказал
Нам идти на кыргызов войною...
Мой отец, я женат!
И хоть нету ребят,
Да все жалко расстаться с женою.
Я на Бога роптал,
Я своих проклинал,
Я не шел с казаками молиться;
И, пришедши потом,
Не крестился крестом,
Не хотел к образам приложиться.
Мой отец, поспеши!
Тяжкий грех разреши!
Погибаю я, грешный душою».
— «Грех твой, чадо, велик! —
Говорит духовник. —
Омрачился ты тяжкой виною.
Но и бездну грехов
Бог очистить готов,
Прибеги лишь к нему с покаяньем.
Он — без меры любовь.

Уповай лишь, и вновь
Он оденет святым одеяньем.
Как Христов иерей⁸
Я, по власти своей,
От грехов всех тебя разрешаю, —
И под знаменем креста
Супротивных Христа
Поражай: я тебя посылаю.
Мужем будь. Не жалей
Крови грешной своей
И за братии ты жертвой собою.
Знай, убитых вконец
Ждет нетленный венец.
Поезжай, сын мой, мир над тобою!»
И казак молодой
С облегченной душой
Божий храм, помолясь, оставляет.
Он приходит к жене,
Говорит о войне
И печальну жену утешает:
«Не тоскуй, не крушись!
Лучше Богу молись,
Чтоб от смерти меня он избавил
И чтоб нас, казаков,
Сохранил от оков
И великой победой прославил.
За степьми, говорят,

---

⁸ Иерей (греч.) – священник.

Камней груды лежат
И песок при реках золотистый;
Бисеров – не бери,
Жемчугов – не вари⁹.
А у жен дорогие монисты».
«Что мне в платьях цветных,
Что в камнях дорогих,
Когда нет тебя, мой ненаглядный?
От разлучного дня
Не утешат меня
Ни сребро, ни жемчуг перекатный.
Кто-то мне говорит:
«Муж твой будет убит!»
Вот уж по три я слышу то ночи.
Видно, мне сиротать,
Век вдовой вековать,
Не видать твои светлые очи.
Не крутить черный ус,
Не лобзать алых уст,
Не прижать ко груди белоснежной.
Твой сынок подрастет,
Тятю кликать начнет,
Что мне делать тогда, безнадежной?»
И с сердечной тоской
Тут казак молодой
Молодую жену обнимает.
«Не тоскуй, – говорит, —

---

⁹ Варить – оберегать, хранить.

Я не буду убит:
Ведь не всякий в войне погибает.
И недель через пять
Ворочуся опять
Да с добычей к тебе боевою;
Я тебя обниму,
Крепко к сердцу прижму
И у сердца тебя успокою.
Коль паду на войне,
Ты не плачь обо мне,
Не суши свои ясные очи;
Ожидай ты меня
Не средь белого дня,
Но во тьме ожидай меня ночи.
У ворот я сойду,
Тихо в хату войду
И махну посинелой рукою;
Ты не бойся меня,
Но садись на коня,
Мы поедем, друг милый, с тобою».
Тут казак замолчал,
Три свечи засвечал,
И сбираться он начал на битву.
Он осек три кремня,
Изготовил коня
И сточил боевой меч как бритву.
На другой день зарей
Грянул гул вестовой —
Казаки лошадей выводили.

Гул второй разнесло —
Казаки на седло,
А за третьим — на площадь спешили.
Шумно строятся в ряд,
Громко сабли гремят,
Развилося казацкое знамя;
Кони борзые бьют,
Пыль копытами выют,
И в очах их свирепое пламя.
Вот раздался сигнал,
Пономарь заклепал,
И церковны врата отворились.
«Кивера¹⁰ все долой!» —
Закричал удалой
Есаул. Кивера опустились.
Тихо старцы пошли,
Образа понесли
И святую хоругвь¹¹ в ополченье;
И за ними идет
Весь церковный причет¹²,
Позади иерей в облаченье.
«Призовем Бога сил!» —
Иерей возгласил,

---

¹⁰ Кивер — военный головной убор.

¹¹ Хоругвь — священное знамя, которое выносится во время торжественных церковных процессий вместе с крестом.

¹² Причт — церковнослужители одного прихода.

И всемирную славу¹³ запели.
Он по ряду ходил,
Ополченье кропил
Освященной водою в купели.
«Род избранный, восстань!
Ополчайся на брань,
Покоряй супротивных под ногу!
Укрепит Бог Богов
Вас на ваших врагов;
Я вручаю вас господу Богу».
И, окончив обряд,
Возвратился назад, —
И слезами глаза омрачились.
Тихо старцы пошли,
Образа унесли,
И церковны врата затворились.
Весь как пламя огня,
Атаман – на коня
И тяжелыми брякнул ножнами;
Вдруг, блестяще, как стекло,
Длинный меч наголо —
И летит молодцом пред отрядом!
Вот ряды обскакал:
«С Богом, дети!» – вскричал.
Казаки на седле поднялися,
Засверкали мечи —
И орлом усачи,

---

¹³ «Всемирную славу...» – начало одного из церковных песнопений.

Как на пир, на войну понеслися.

2

Дни со светом идут,
Ночи с мраком бегут,
Утро вечер прохладный сменяет;
В полдень солнце горит,
В полночь месяц глядит;
Часовой по редуту гуляет.
И в полуденный зной
Золотистой волной
Озерненные зыблются нивы;
И в раздолье степей
Стадо диких коней
Вьет по ветру косматые гривы.
И в небесной выси,
Будто рати Руси,
Громоносные движутся тучи;
И, подпора небес,
Не шелохнется лес,
Не играет в степи вихрь летучий.
И молчанье кругом.
Утомленным крылом
Царь пернатых на землю слетает;
И с стесненной душой
Пешеход молодой,
Ослабевши, шаги ускоряет.
Вот громады сошлись.

Молныи в тучах зажглись —
И ударил перун¹⁴ быстротечный.
Опаленный кругом,
С раздробленным челом,
Рухнул кедр, великан вековечный.
И, дохнувши огнем,
Прошумели дождем
И песчаную степь наводнили.
Светлый солнечный луч
Проглянул из-за туч —
И две радуги свод расцветили.
Океан рассыпной,
Будто конь молодой,
Сребровласую шею вздымает;
Гриву в космы плетет,
Чутким ухом прядет,
Длинный хвост в три трубы завивает.
В надвоздушный предел
Царь-орел полетел
Осушиться в потоке огнистом,
И — предвестник весны —
С голубой вышины
Засверкал перерывчатым свистом.
На кургане кругом
Под истлевшим крестом
Молодая казачка сидела,
И, склоняся главой

---

¹⁴ Перун — языческий Бог. Здесь: молния.

На тополь луговой,
Она грустно на степи глядела.
Из развитой косы
В беспорядке власы
На лилейную грудь упадали,
И на бледных щеках,
Как роса на цветах,
Как жемчужины, слезы блистили.
Тихо все. Лишь у ног
Говорил ручеек
И прозрачной волной к ней ласкался;
И с журчаньем ручья
Тихий голос ея,
Будто ласточки щебет, сливался.

Песня казачки

Полетай, мой голубочек,
Полетай, мой сизокрылый,
Через степи, через горы,
Через темные дубровы!
Отыщи, мой голубочек,
Отыщи, мой сизокрылый,
Мою душу, мое сердце,
Моего милова друга!
Опустись, мой голубочек,

Опустись, мой сизокрылый,
Легким перышком ко другу,
На его правую руку!
Проворкуй, мой голубочек,
Проворкуй, мой сизокрылый,
Моему милому другу
О моей тоске-кручине!
Ты лети, мой голубочек,
От восхода до заката,
Отдыхай, мой сизокрылый,
Ты во время темной ночи!
Если на небо порою
Набежит налётна тучка,
Ты сокройся, голубочек,
Под кусток частой, под ветку!
Если коршун – хищна птица —
Над тобой распустит когти,
Ты запрячься, сизокрылый,
Под навес крутоя, под кровлю!
Ты скажи мне, голубочек,
Что увидел мое сердце!
Ты поведай, сизокрылый,
Что здоров мой ненаглядный!
Я за весточку любую
Накормлю тебя пшеничкой,
Я за радостну такую
Напою сытой¹⁵ медвяной.

---

¹⁵ Сыта – медовый взвар; напиток, замешанный на меду.

Я прижму к ретиву сердцу,
Сладко, сладко поцелую,
Обвяжу твою головку
Дорогою алой лентой.
Вдруг песок полетел,
Ясный день потемнел
И гроза поднялась от восхода...
Гром – от громких речей!
Молnya – с светлых мечей!
То казаки летят из похода.
Пламень грозный в очах,
Клик победный в устах,
За спиной понавешаны выюки.
На коне боевом
Впереди молодцом
Выезжает удача Безрукий.
И широкой копной
Вьет песок конь степной,
Рвет узду, и храпит, и бодрится.
Есаулы за ним
Пред отрядом своим,
Грозны их загорелые лица.
«Гей! мои трубачи!
Опустите мечи,
Заиграйте в трубы боевые!
С хлебом, с солью скорей
Пусть встречают гостей
И отворят врата крепостные!»
И, не медля, зараз

Атаманский приказ
Трубачи-усачи выполняют:
Боевой меч – в ножны,
И трубу со спины,
И походную песню играют.
«Гей, скорей на редут!
Наши, наши идут!» —
Закричал часовой. И в минуту —
«Наши, наши идут!» —
Крича, люди бегут
Отовсюду толпами к редуту.
Грянул в пушку пушкарь,
Зазвонил пономарь,
И широки врата заскрипели.
Из отверстых ворот
Хлынул с шумом народ
И казаки орлом налетели.
«К церкви, храбрый отряд! —
Есаулы кричат, —
Исполняйте отцовский обычай,
И к иконе святой
Вы усердной рукой
Приносите дары из добычи».
Казаки с коней в ряд,
В божью церковь спешат, —
Им навстречу причет со крестами:
Под хоругвью святой
В ризах пастырь седой
Их встречает святыми словами.

Пастырь. С нами Бог! С нами Бог!

Он возвысил наш рог¹⁶!

Укрепил он во брани десницы¹⁷!

Клир¹⁸. С нами Бог! С нами Бог!

Супостат изнемог,

Мы крепки: покоряйтесь, языцы!

Пастырь. Мышцей сильной своей

Укротил он зверей,

Он низвергнул коней, колесницы!

Клир. С нами Бог! С нами Бог!

Супостат изнемог,

Мы крепки: покоряйтесь, языцы!

Пастырь. Он услышал наш глас,

Он стал крепко за нас,

Он явился во блеске денница¹⁹!

Клир. С нами Бог! С нами Бог!

Супостат изнемог,

Мы крепки: покоряйтесь, языцы!

Пастырь. Он щиты их сломил,

Ярый огнь воздымил,

И вихрь бурный пожрал их станицы!

Клир. С нами Бог! С нами Бог!

Супостат изнемог,

Мы крепки: покоряйтесь, языцы!

¹⁶ Рог – сила, могущество.

¹⁷ Десница – правая рука.

¹⁸ Клир – духовенство.

¹⁹ Денница – заря.

Старец кончил. За ним,
За начальством своим
Казаки в божью церковь вступили,
И с молитвой в устах
При святых образах
Они часть из добычи сложили.
И, под гром пушкарей,
Петь владыке царей
Благодарственный гимн за спасенных;
И, под медленный звон,
Похоронный канон²⁰
Возгласили за прах убиенных.
Служба кончена. Тут
Все на площадь бегут:
Их родные, друзья ожидают.
Сын к отцу, к брату брат
С полным сердцем летят
И с слезами на грудь упадают.
Что ж казачка? Она,
Вещей грусти полна,
Ищет друга милова очами:
Вся на площади рать,
Но его не видать,
Не видать казака меж рядами!
Не во храме ли он?
Божий храм затворен —
Вот ограду ключарь запирает!

²⁰ Канон (греч. правило или свод правил) – в данном случае часть Богослужения.

Что ж он к ней не спешит?
Сердце рвется спросить —
Но вопрос на устах замирает.
Вдруг урядник²¹ седой
Подошел к молодой
И взглянул на нее со слезами;
Ей кольцо подает:
«Он окончил поход!» —
И поспешными скрылся шагами.
И, бледней полотна,
С тихим стоном она
Недвижима, безгласна упала.
Свет померкнул в очах,
Смерть на бледных устах,
Тихо полная грудь трепетала.
Вот с угрюмым челом
Ночь свинцовым крылом
Облекла и поля, и дубравы,
И с далеких небес
Сыплет искрами звезд,
И катит в облаках шар кровавый.
И на ложе крутом
Спит болезненным сном
Молодая казачка. Прохладой
Над ее головой
Веет ветер ночной
И дымится струей над лампадой.

---

²¹ Урядник — низший офицерский чин в казачьих войсках.

Кровь горит. Грудь в огне,
И в мучительном сне
Страшный призрак, как червь, сердце гложет.
Темнота. Тишина.
И зловещего сна
Ни один звук живой не тревожит.
Вдруг она поднялась!..
Чья-то тень пронеслась
Мимо окон и в мраке скрылась.
Вот – храпенье коня!
Вот, кольцом не звеня,
Дверь тяжелая вдруг отворилась!
Он вошел. Страшный вид!
Весь он кровью покрыт,
Страшно впали померкшие очи;
Кости в кожу вдались,
И уста запеклись.
Мрачен взор: он мрачней темной ночи!
Он близ ложа стоит,
Он ей в очи глядит,
Он манит посинелой рукою.
То казак молодой!
Он пришел в тьме ночной
Свой исполнить обет пред женою.
И она узнает,
Тихо с ложа встает
И выходит за ним молчаливо.
У ворот черный конь
Бьет копытом огонь

И трясет серебристою гривой.
Вмиг казак – в стремена.
Молодая жена
С ним, дрожа и бледнея, садится.
Закусив, удила,
Как свинец, как стрела,
Конь ретивый дорогою мчится.
Вот гора. На лету
Он сравнял высоту
И несется широкой долиной!
Вот река. Чрез реку!
На могучем скаку
Он сплотил берега над пучиной.
Скачут день. Скачут два.
Ни жива ни мертвa
И не смеет взглянуть на милова.
Куда путь их лежит,
Она хочет спросить,
Но боится. Казак – ни пол слова.
Наконец в день шестой,
Как ковер золотой,
Развернулися степи пред ними.
И кругом пустота!
Лишь вдали три креста
Возвышались в безбрежной пустыне.
«Вот наш кров! Вот наш дом
Под лазурным шатром! —
Вдруг промолвил казак. – Посмотри же,
Как хорош он на взгляд!

Что за звезды горят!
Что за блеск! То вдали, что же ближе?
Нас тут сто казаков,
Все лихих молодцов.
Мы привольно живем, не стареем.
Ни печаль, ни болезнь
Нам неведомы здесь,
И житейских забот не имеем.
Мы и утром, и днем
Спим в земле крепким сном
До явленья вечерней зарницы;
Но зато при звездах
Мы гарцуем в степях
До восхода румянай денница!».
Тут казак замолчал.
Конь заржал, запрядал...
И казачка глядит в изумленье.
Степь! Средь белого дня
Ни его, ни коня;
Только что-то гудит в отдаленье.
И в степи! И одна!
Будто пытка, страшна
Одинокая смерть! Озирая
На холме насыпном
Степь горящу кругом,
Ищет тени казачка младая.
Но кругом степь пуста!
Ни травы, ни куста,
Ни оттенка в сини отдаленной.

Кругом небо горит,
Воздух дущен — томит —
Что за зной на степи раскаленной!
И на жгучий песок,
Как увядший цветок,
Задыхаясь, она упадает.
И в томленье немом,
Сжавши руки крестом,
Безнадежно в степи погибает.

1834 (?)

СУЗГЕ

Сибирское предание²²

---

²² Сузге. Сибирское предание (с. 49). Впервые – Современник, 1838, т. 12, отд. 3. В основе – народное предание о второй жене сибирского хана Кучума Сузге. «Сузге» инсценировалась и несколько раз была показана на сцене: в 1889 году на так называемых «Сибирских вечерах», посвященных 300-летию похода Ермака, и в 1904 году – в Тобольске, в 1922 году – в деревне Верхне-Филатовой Тобольского уезда (на татарском языке), в 1940 году – на сцене Тобольского учительского института и Тобольского окружного драматического театра. В 1896 году тобольский композитор И. Корнилов написал оперу «Сузге».

1

Царь Кучум один владеет
Всей Сибирскою землею;
Обь, Иртыш, Тобол с Вагаем
Одному ему подвластны;
Он берет со многих дани;
Сам не платит никому.

Царь Кучум, сидя в Искере,
С утра раннего до ночи
Пишет царские приказы,
Рассыпает повеленья
От Урала до Алтая, —
По сибирской всей земле.

Много силы у Кучума,
Много всякого Богатства:
Драгоценные каменья,
Из монистов ожерелья,
Черный соболь и лисица,
Золото и серебро.

Царь Кучум живет в палатах,
Ест с серебряного блюда,
Из ковша пьет золотого,
Спит под шелковым навесом,
На пуховых на постелях,
Ходит мягко по коврам.
У того царя Кучума

Две подруги молодые,
Две пригожие царицы,
Полногруды, белолицы:
У одной глаза, как небо,
У другой глаза, как ночь.
Царь Кучум обеих любит,
Царь Кучум обеих нежит,
С алой розы умывает,
В шелк, в монисты наряжает,
И дородство, и пригожество
Пуще глаза бережет.

2

Раз ополдень царь Сибири
От трудов своих от царских
Отдыхал на мягком ложе.
Вдруг к нему, к царю, подходит,
Легкой ножкой чуть ступая,
Черноглазая Сузге.
«Мой супруг и повелитель,
Царь Кучум! Твоя рабыня
Хочет нынче женской просьбой
Утрудить твое вниманье», —
Так к нему, царю, вещает
Черноглазая Сузге.
Царь Сибири, усмехаясь,
Взял пригожую царицу,
Посадил к себе на ложе,
И, обняв рукою правой, —
«Расскажи, моя царица», —
Молвил ласково ей он.
«Мой супруг и повелитель! —
Говорит Сузге Кучуму. —
Велико твое владенье,
Хороши твои усадьбы;
Но одно твое селенье
Лучше кажется мне всех.
Там есть холм один высокий,

С двух сторон – стеною горы,
С двух сторон – ковром равнина;
У холма же, словно лента,
Ручеек бежит в равнину,
И вдали шумит Иртыш.

Прикажи мне, мой властитель,
Там построить терем царский
И позволь твоей рабыне
В этом тереме веселом
Встретить вешнюю зарницу,
Красно лето проводить».

«Будет!» – молвит царь Сибири.
«Да еще одно прошенье:

Прикажи срубить мне судно,
Снарядить его прибором,
Тонким парусом с подзором,
Чтоб вечернею порою
Мне гулять по Иртышу».

«Будет!» – молвит царь Сибири.
«Да еще одно прошенье:

Приезжай два раз в неделю
Навестить твою рабыню,
Слово ласково промолвить,
Ложе ночью разделить».
«Будет! – молвит царь Сибири. —
В три недели приготовят
На холму веселый терем,
На реке – с прибором судно,
И два раз в неделю буду

Я в твой терем приезжать».

3

Время срочное минуло:
На холме Сузге высоком
Красовался царский терем —
С переходами резными,
Со ставнями расписными,
С узорочною оградой
И с перильчатым крыльцом.
Пихты, лиственницы, ели
Осеняют царский терем;
Над ручьем белеет полог;
От крыльца к ручью, по скату,
Вьется легкая дорожка
И теряется в цветах.
По равнине, по широкой,
От реки до гор далеких,
Ходят воины Кучума,
Стерегут тот терем царский,
Гладят бороду седую,
Саблей звонкою стучат.
По реке гуляет судно,
Двадцать весел плещут воду,
Белый парус наготове
Развернуться полной грудью,
Заплескать в волнах кипучих,
Судно легкое нести.

За весной приходит лето,
Убирает всю природу
В разноцветную одежду:
Тал²³, березу рядит в зелень,
Куст шиповника румянит,
Вяжет лентами цветы,
Вся земля пирует лето;
Вся Сибирь пирует лето:
Но на всей земле Сибирской
Нет прекраснее Сузгунा,
Где живет луна-царица,
Черноглазая Сузге.

---

²³ Тал – ивняк.

4

Зной полудня утихает;
С гор, увенчанных лесами,
Ветерок летит прохладный.
Вот из терема выходят
По решетчатым воротам
Шесть татарок молодых,
И встают они попарно
В обе стороны по скату,
Ждут царицу молодую,
Чтоб вести ее под полог —
В сокровенную купальню
Тихоструйного ручья.
Вот является царица,
Легкой серною мелькает
По излучистой дорожке;
И спешат за ней рабыни
Снять ревнивые покровы
С их царицы молодой.
Белый полог застегнулся...
Слышны речи, слышен хохот,
Звонкий плеск прозрачной влаги, —
И на пологе широком,
В легких очерках видений
Тени зыблются порой.
Вечер. Кончилось купанье.

Снова полог расстегнулся,
И царица молодая²⁴
Вновь мелькнула по дорожке
Легкой серною на холм
И под пихтою душистой
Опустилась, слабея,
На узорчатые ткани.
И несет одна девица
Прохладительный напиток
Ей в сосуде золотом.
Вокруг Суэге ее рабыни
Черну косу выжимают,
Чешут гребнем, разделяют,
В плетеницы завивают
И жемчужную повязку
В косу пышную плетут.
Пьет царица молодая
Прохладительный напиток.
Словно пламя – пышут щеки;
Словно звезды – блещут очи;
Словно волны – дышат груди;
Так бела и так свежа!
На коврах лежа узорных,
Приклонив к руке головку,
В упоительном раскиде —
То ли розою востока,

---

²⁴ Щеки розами горят.

То ли гурией²⁵ пророка
Тут казалася Сузге.
А над нею полной чашей
Беспределного сиянья
Небо лета развернулось;
А пред нею – горы, долы,
Бесконечная равнина,
Вечноплещущий Иртыш!..
В легкий сон Сузге склонилась,
И любимая рабыня,
На колени став пред нею,
Обвевала опахалом
И пылающие щеки,
И трепещущую грудь.

---

²⁵ Гурия (хурия) – в мусульманской мифологии райская дева.

5

Спит царица молодая
Под вечернею прохладой,
А у ног ее рабыни
За узорным рукодельем
Чуть-чуть слышными речами
Говорят промеж собой.
Чудны женские рассказы!
Будто полночью глубокой
На мысу одном высоком
По три раза проходили
Цвета белого собака
И как уголь черный волк;
С воем грызлись меж собою,
И в последний раз собака
Растерзала злого волка.
Будто с той же ночи всюду
Меж сибирскими лесами
Чудным образом и видом
Вдруг береза зацвела;
Будто в полдень на востоке
Облака являют город
С полумесяцем на башне,
И подует ветр с Урала,
И снесет тот полумесяц,
И навеет чудный знак;

Будто в полночь вдруг заблещет
Над могилами Искера
Яркий свет звездой кровавой,
И послышится стук сабель,
И неведомый им говор,
И какой-то страшный треск,
Что-то будет с ханским царством!
А недаром же татары
Собираются к мечетям:
Сердце чует про невзгоду,
Тишина – предвестник бури:
Где ж зачнется та гроза?

6

Всходит утро над Сузгуном.
Вдруг к Сузге в высокий терем
Старшина седой приходит;
Торопливо просит видеть
Чрез рабынь свою царицу,
Молвить важные ей вести,
Слово нужное сказать.
И царица призывает
Старшину в свою светлицу,
И волнистою фатою,
Словно облаком летучим,
Осторожно закрывает
Полнолунное лицо.
Вскоре входит старый воин.
Скинув шапку меховую,
Он честит Сузге поклоном.
«Вести важные, царица!
Здесь гонец царя Кучума,
Сохрани его Алла!
К нам от западной границы,
От крутых верхов Урала,
Без призыва, без прошенья,
Вдруг пожаловали гости
И пируют нашей кровью
По сибирской всей земле.

Царь Кучум гонцов отправил,
Чтоб со всех сторон Сибири
Для защиты, для отпора
Собирались стар и молод;
Чтобы все свои селенья
Укрепляли в тот же час.
И к тебе гонец, царица!
Царь Кучум велит, не медля,
Строить стены и бойницы,
Делать валы и ограды,
Снаряжать себя довольством,
Рать осадную сбирать». —
«А далеко ль эти гости?» —
Старшину Сузге спросила.
«А когда б стрела летела
Час один с одною силой,
Так к концу она упала б
В их неверные шатры».
И дает Сузге-царица
Старшине тому седому
Тихо умные приказы.
И послушный старый воин
Ей клянется головою
Все исполнить, как велит.

Спеет дружная работа:
С утра раннего до ночи
Сто работников послушных
Носят камни, возят бревна,
Роют рвы и сыплют валы —
Укрепляют царский холм.
Вот проходят две недели,
И Сузге веселый терем
Смотрит грозною твердыней:
Обнесен вокруг стенами,
Обведен высоким валом,
Окружен глубоким рвом..
Две бойницы подле ската,
И одна из них — на запад,
Где Иртыш шумит волнами.
А другая — на восток,
Там, где стелется равнина
Бесконечной полосою.
И с бойниц тех непрестанно
Смотрят в даль сторожевые
И при каждом появленье
Незнакомых лиц в равнине
Вызывают громким криком
На бойницы весь отряд.
И гонец, два раза в сутки,

Скачет шибко за вестями
От Сузгуна до Искера —
Но обратно с каждым разом
Всё нерадостные вести
Он привозит от царя.

Раз, вечернею порою,
В те часы, когда молитву
Правоверные свершали,
А Сузге в своей светлице
Думу думала – нежданно
Быстро входит воин к ней.
Грозен вид его сердитый;
Лоб наморщен, губы гневом
Сведены; глаза сверкают.
Ни поклона, ни привета
Он не делает царице
И не смотрит на нее.
«Брат!» – царица восклицает,
И встает поспешно с места,
И сжимает брату руки.
«Или новое несчастье
Нас постигло? Что ж? Не медли!
Все ли кончено? Скажи!»
Молчалив и гневен воин.
«Что с Кучумом? Что с народом? —
Вновь царица начинает.
Или Бог совсем оставил
Правоверных?.. Иль пришельцы
Посягнули на царя?»
Вздох страданья, вздох тяжелый —

Был ответ Махмета-Кула²⁶.
Вдруг сорвал свою он саблю,
Бросил об пол в сильном гневе
И, закрыв лицо руками, —
«Все погибло! — простонал. —
Пришлецы теперь пируют
В нашем городе Искере;
Наше войско — куча трупов;
Сам Кучум бежал поспешно,
Бросив все свои Богатства...
Гибель царства решена!..»
Долго длилось молчанье
Между братом и сестрою.
Вдруг из ясных глаз царицы
Слезы градом покатились:
«Мой супруг! мой повелитель!» —
Громко вскрикнула она.

---

²⁶ Махмет-Кул (Мамет-Кул) — по Ремезовской летописи, сибирский царевич, сын царя Кучума (иногда называется его братом); у Ершова Махмет-Кул — брат Сузге.

9

Ходит скорыми шагами
Брат царицы по палатам,
Гнев, печаль его терзают;
А царица молодая
Неподвижно, молчаливо
На ковре своем сидит.
Вдруг Махмет остановился
Пред сестрой и грустно молвил:
«Мне с тобой сегодня ж должно
Разлучиться – пусть погибну,
Если рок велит мне гибнуть!
Да, сестра! Сегодня ж ночью
Я прощусь с тобой. Не бойся!
Без меня тебя не тронут.
Я о жизни не жалею:
Смерть моя спасет тебя.
Подожди! Но если след мой
У тебя наш враг откроет,
Все пропало! Я знаком им,
Я встречался с ними в битвах:
Сам Кучум не так им страшен,
Как твой юный брат Махмет».
«Все ль? Теперь меня послушай. —
Речь царица начинает: —
Если Бог велел погибнуть

Всей Сибири, пусть погибнет;
Но пускай и враг наш, русский,
Гибель с нами разделит.
Иль не стало больше средства?
Иль на всей земле сибирской
Нет уж боле человека?
Царь бежал: будь ты царь нынче,
Вороти свое владенье,
Завоюй себе Сибирь!
Слушай – хитрость лучше силы:
Распусти меж русских вести,
Что сидишь ты здесь, в Сузуне;
И когда наш враг обложит
Это место, ты немедля
Собирай свои дружины.
Будь спокоен! Я сумею
Продержать их под стенами
Столько времени, сколь нужно,
Чтоб тебе собраться с силой.
Тут нагрянь на них отважно —
И Алла – помощник твой!»
Речь окончила царица.
На лице Махмета-Кула
Луч блеснул отрадной мысли.
Нежно обнял он царицу.
«Да исполнится!», – сказал он
И поспешно вышел вон.

Царь Кучум в степях горюет
 О своем Богатом царстве;
 А в больших его палатах
 Казаки сидят за чарой,
 Поминают Русь святую
 И московского царя.
 Впереди сидит начальник
 И большой их воевода,
 Первый в бое и в советах,
 Тот Ермак ли Тимофеич.
 Редко к чаре он коснется
 И среди веселья крепко
 Думу думает свою.
 Справа грозный воевода,
 Атаман Кольцо отважный,
 Буйну голову повесив;
 Слева, весел и разгулен,
 С полной чарою глубокой,
 Атаман Гроза сидит.
 На другом конце пируют
 Три другие атамана:
 Мещеряк, Михайлов с Паном²⁷.

---

²⁷ Кольцо, Гроза, Мещеряк, Михайлов, Пан – сподвижники Ермака, казачьи атаманы.

За палатами ж Кучума
На дворе большом гуляют
Удалые казаки.
Светлый день идет на вечер,
А казацкий пир к исходу...
Вдруг большой их воевода,
Тот Ермак ли Тимофеич,
Выпив чашу едным духом,
Быстро встал из-за стола.
«Нет, товарищи! — сказал он, —
Рано нам еще на отдых;
Наше дело зачатое
Довершить сперва надлежит:
Мы Искер один лишь взяли —
Остается взять Сибирь.
К нам дошли худые вести:
Говорят, что царский шурин
Не бежал с царем Кучумом,
Что сидит теперь в Сузгуне,
Что тайком собирает войско,
Чтоб Искер у нас отнять.
Завтра с Богом за работу!
Ты, Гроза, пойдешь к Сузгуну
Со своею всей дружиной,
И уж волей, иль неволей,
А возьми Махмета-Кула;
Только помни благость Бога,
Не губи напрасно всех.
Ты, Кольцо, сиди в Искере,

Береги его для Руси;
Сам же я пойду с другими
На царя того Сейдяка²⁸.
Надо кончить поскорее:
Ведь зима не за горою».
Речь Ермак свою окончил,
Встали тихо атаманы.
«Гой, Ермак наш Тимофеич! —
Громко все они вскричали. —
Ты приказывать нам можешь,
Мы — послушники твои!»

---

²⁸ Сейдяк Бекбулатов – военачальник Кучума, внук сибирского князя Казыя.

На другой день все казаки
До зари еще вставали,
Сабли, ружья вычищали,
Собиралися на площадь,
И в порядке — чином к чину —
Становились в ряды.
Вот выходит воевода,
Тот Ермак ли Тимофеич
С атаманами своими;
Низко кланяется войску,
И подходит он под знамя,
И дает молитве знак.
И послушно вся дружина,
За вождем склонив колена,
В тишине благоговейной
Молит господа и Бога
О победе над врагами,
Не долга — сильна молитва!
Вскоре встали все казаки,
Сабли наголо и дружно
Громким голосом вскричали:
«С нами божеская сила
И угодник Николай!»
Вот Ермак ряды обходит,
Поименно называет

Всех десятников и старших,
Славу Дона поминает,
И Богатую добычу,
И прощение царя²⁹.
«Гой, товарищи и братцы,
Вы, казаки удалые!
Лучше честно нам погибнуть,
Чем позорною кончиной
На постыдной сгибнуть плахе
И проклятье заслужить».
Шумно тронулись казаки...
То не лебеди, не снеги —
То их парусы белеют;
То не песни соловьины —
То их русские напевы.
Гой, вы, братцы! добрый путь!

---

²⁹ «Славу Дона поминает... И прощение царя». – Считается, что Ермак был донским казаком, разбойничал на Волге и начал поход на Сибирь, спасаясь от гнева Ивана Грозного. После взятия сибирских городков отправил атамана Кольцо послом в Москву.

Не в полудне, не в полночи
 Крик орла в выси раздался,
 А вечернею порою
 Крикнул воин на бойнице,
 Той бойнице ли Сузгунской,
 Где синеется Иртыш.
 То не пчелы вылетают
 Из улья с своей царицей,
 То татары выбегают
 С старшиной своим отважным
 На высокие на стены
 Грозной крепости Сузге.
 Вот являются в равнине
 Люди храбрые – казаки,
 Впереди их – воевода.
 «Ай-да крепость!» – тихо молвит.
 «Ай-да крепость!» – повторяют
 Все казаки про себя.
 «Гой, татары и уланы³⁰! —
 Крикнул громко воевода. —
 Коль живыми быть хотите,
 Сдайте нам свою ограду;

---

³⁰ Уланы – члены одной из линий ханской фамилии, служившие в ханской охране.

Коль погибнуть вы хотите,
Не сдавайте нам ее!» —
«Гой, неверный воевода!
Прежде солнце почернеет,
Прежде наш Иртыш великий
Потечет назад к истоку,
Чем сдадим мы вам ограду», —
Так со стен своих высоких
Отвечает старшина.

День седьмой уже проходит;
Утомилися казаки;
Утомилися татары.

«Стыд, когда, не взяв, отступим!» —
«Стыд, когда сдадим ограду!»

Вновь напор и вновь отпор.

Наконец, Гроза, с согласья
Всех десятников и старших,
Пишет грамоту и просьбу

К Ермаку такою речью:
«Две недели уж проходят,
А мы все еще не можем
Взять Сузгуну на мечи.

Да и что это за крепость!

Да и что это за люди!

Хоть Махмета не видали,
Но по этому упорству
Думу думаем такую,
Что он верно тут сидит.

Ждем приказа войскового —
Что нам делать. Если снова
Ты велишь держать в осаде
Эту крепость, то мы просим
К нам людей прислать побольше:
Малым крепости не взять.

Вот когда бы в чистом поле
Нам схватиться привелося, —
Это дело бы другое.
А стена покрепче груди,
Хоть и то мечи порядком
Мы сточили об нее».

Снова тянется осада.
Двое суток так проходят,
А на третью, темной ночью,
От Махметова улана
В крепость брошена с известьем
Быстропёрая стрела.
«Бог совсем татар оставил! —
Так известье начинает. —
Три дня ровно, как случилась
Сеча с русскими большая;
Нами правил брат твой храбрый,
Ими властнововал Ермак.
Семь часов та сеча длилась,
А в осьмой — твой брат, царица,
Ранен меткою пищалью³¹.
Без главы осталось войско.
Те побиты, те бежали,
А Махмет-Кул взят в полон».
Нет речей в устах царицы!
Нет слезы в глазах несчастной!
А меж тем, как черны тучи,
Думы тяжкие проходят,
Женский ум ее тревожат,

³¹ Пищаль — старинное русское тяжелое ружье.

Точат сердце, давят грудь.
О, Сузге, краса-царица!
И последняя надежда
На великого Махмета
Вдруг потеряна! Он пленник!
Царь Кучум – в степях, далеко!
Что ты ждешь еще себе?

Ходит бедная царица
По своей опочивальне,
Руки белые ломает,
Взором сумрачным блуждает
И свою тоску-кручину
Так высказывает вслух:
«Знать, то Богу так угодно,
Чтоб великое владенье
Повелителя Кучума
Уничтожилось! За что же
Нам беда пришла такая?
Чем прогневали судьбу?
Я вчера была царицей,
А сегодня, может, буду
Русских пленницей, рабою!
И дитя мое... О боже!
И дитя... О, нет! не можно!
Нет, рабой не буду я!
Наш Сузгун довольно крепок;
Нелегко его взять русским;
Много воинов отважных
Стерегут его и кроют.
Может быть, и, как знать, вскоре
Возвратится царь Кучум...
Но сдержать ли малой горсти

Упадающее царство,
Коль разбито наше войско,
Коль Махмета нет уж боле?
Мне ли, женщине, мне ль можно
Честь и царство поддержать?
Если б был еще воитель,
Равный брату в ратном деле,
Все была б еще надежда;
А теперь сгублю я только
Всех защитников Сузгунा,
И сама – опять в плену!
Что мне делать в этом горе?
Где искать себе спасенья?»
Так царица говорила,
Заливаясь слезами.
Тут позвать она велела
Старшину к себе в покой.
«Долго ль можем мы держаться?»
Старшину она спросила.
«Долго ль? – этого не знаю,
Но пока я жив, царица,
Но пока еще хоть двое
Нас останется в Сузгуне, —
Русским крепости не взять!»
Тяжко, тяжко ты вздохнула,
О, Сузге, моя царица!
Эта верность! эти чувства!
И его ли ты погубишь?..
О, когда б Кучум поболе

Мог иметь таких людей!

16

«Будь здоров, наш воевода!
Милосердием господним
И казачьей нашей силой
Мы побили вновь неверных
На реке на той, Вагае,
Где течет она в Тобол.
Пишешь ты, что в том Сузгуне
Махмет-Кул сидит в ограде.
Диво, если это правда —
А затем что при Вагае
Взяли мы Махмета-Кула
И старшин его в полон,
И меж прочими вестями
Мы узнали, что в Сузгуне
Правит храбрая царица,
А при ней людей немного
И один лишь старшина.
Это молвим не в обиду, —
Крепость, знаем мы, не поле,
И царица, как слыхали,
Есть сестра Махмета-Кула.
Так не диво, что неможно
Вашей храбости казачьей
Взять Сузгун тот на мечи.
Да еще одно известье:

Ты, Гроза, теперь нам нужен;
День простой еще на месте,
А потом в Искер сбирайся.
Пусть царица правит местом,
Мы не с нею брань ведем».
«Прах возьми! – Гроза воскликнул,
Прочитав приказ из войска. —
Нас на смех теперь подымут:
В три недели не умели
Нашей храбростью казачьей
С бабой справиться путем!»

Вдруг к нему в палату входит
Старшина седой татарский
И, не кланяясь и шапки
Не снимая, атаману
Говорит такую речь:
«Слушай речь моей царицы!
Наша храбрая царица
Сдать Сузгун тебе готова,
Только если ты исполнишь
Три условия ее:
Дать нам всем, татарам, волю —
Это первое условье.
Дать нам судно переехать —
То условие второе.
А последнее условье —
Нам обиды не чинить».
«Поздно ты пришел с прошеньем! —
Старшине Гроза промолвил,
Радость в сердце сокрываая. —
Через день придет к Сузгуну
С силой многою-большою
Сам начальник наш, Ермак.
Он без всяких без условий
Ваш Сузгун возьмет с царицей...» —
«Так условия отвергаешь?» —

Старшина спросил нахмурясь.
«Нет! — Гроза ему обратно. —
Я согласен их принять.
Но и вы согласны будьте
На одно мое условье:
Пусть все едут безопасно,
Дам вам волю, дам вам судно,
Но пускай царица ваша
Нам отдаст себя в полон». —
«Ты не жди того, неверный! —
Старшина воскликнул гневно. —
Прежде все вконец погибнем,
Чем мы выдадим царицу!» —
«Это будь по воле вашей, —
Говорит ему Гроза. —
Но еще скажу я слово:
Коль царица согласится
Нам отдаться, пусть опустят
Полумесяц на бойнице.
До зари, никак не больше,
Думу думать вам даю.
Но уж если и с зарею
Не опустят знак с бойницы,
Не войду тогда я с вами
Ни в какое примиренье!..» —
«Пусть нас Бог теперь рассудит!»
Мрачно молвил старшина.

Атаман Гроза не сводит
Глаз с высокого Сузгун:
И надежда, и сомненье
Душу воина колеблют.
Солнце клонится на запад.
Вечер... Смотрит... Спущен знак!
«О, владычица святая!
О, святой христов угодник!
Знать, казаки вам угодны,
Что желание их сердца
Вы исполнили так скоро!» —
Молвят весело Гроза.
Той порой Сузге, царица,
Всех рабынь к себе сзывает
И, скрывая грусть весельем,
Говорит им речь такую,
Глядя весело на них:
«Вы, прислужницы-девицы,
Отпирайте кладовые,
Выносите все наряды,
Все каменья дорогие
И царицу наряжайте:
Завтра праздник у меня!»
И рабыни отпирают
Кладовые; вынимают

Камни, платья дорогие
И царицу наряжают,
Косу пышную плетут.
Слезы катятся ручьями
У прислужниц; но ни слова
Те девицы не промолвят.
Им известно, что царица
Для свободы их сдается
В плен начальнику чужому.
Жаль им доброй госпожи.
Вот окончены наряды,
И прекрасная царица
Всех прислужниц равной долей
Своеручно наделяет;
Раздает им всем Богатства
И целует порознь их.
Тут зовет к себе в светлицу
Старшину того седого.
Благодарствует за службу,
И велит отдать отряду
Всю казну свою большую,
И от имени царицы
Благодарствовать велит.

Ночь покрыла мраком поле,
Землю тьмою обложила.
Спят казаки, спят татары.
Лишь не спит в своей светлице
Несчастливица-царица,
Одинокая Сузге.
Перед ней горит светильник
И, бросая свет дрожащий,
Освещает ту палату,
И роскошное убранство,
И блестящую одежду,
И печальную Сузге.
О, Сузге, краса-царица!
Тяжела тебе ночь эта!
Ты сидишь на мягким ложе,
Опустив на грудь головку
И сложив печально руки
На трепещущей груди.
Ты одета, как невеста,
В драгоценные одежды,
Но глаза твои не блещут
Предрассветною звездою,
Но уста твои не пышат
Цветом розы и любви.
Дума черная, как полночь,

Обвила твой ум, царица,
И тоска, как червь могильный,
Точит сердце молодое.
Велика твоя невзгода!
Тяжела твоя судьба!
Но прими к себе надежду:
Не рабою, но царицей
Почестят тебя в Москве.
О, когда б прошла скорее
Эта ночь твоей печали!
Неподвижна и безмолвна
Все сидит Сузге-царица.
Нет речей для утешенья!
Нету мысли для надежды!
Будто смерти вещий голос
Тихо носится над ней.
Вот блеснул в ее светлице
Светлый луч зари восточной.
«О, мой Бог! меня помилуй!» —
Тяжко вскрикнула царица
И упала на подушки,
Задыхаясь от слез.

Встало солнце. Пробудились
И казаки, и татары.
Ясный день для всех восходит,
Льет на всех равно сиянье;
Но не все равно встречают
Солнца красного восход!
Вот Гроза к стенам подходит
С удалой своей дружиной;
Вот татары отворяют
Неприступные бойницы,
И всплед за старшиною
Безоружные идут.
Мрачно сходят вниз татары,
Озираясь на стены
И на крепкие бойницы;
Плачут царские девицы,
Обращая взор печальный
На оставленный Сузун.
А с бойницами той порою,
Скрыв лицо свое покровом,
Одинокая царица
Грустно смотрит отступенье.
Грудь волнуется тоскою;
Но слезы уж нет в глазах.
«Слушай, храбрый воевода! —

Старшина седой промолвил,
Поравнявшись с Грозою. —
Если честь тебе известна,
Ты с царицею поступишь,
Как приличие велит». —
«Будь спокоен, храбрый воин!» —
Старшине в ответ промолвил
Атаман Гроза казачий.
Вот изгнанники проходят
Чрез широкую равнину,
Вот они реки достигли,
Вот взошли они на судно,
Поклонились Сузгуну
И исчезли вдалеке.
«Путь счастливый вам», — сказала
Грустная Сузге-царица,
Обвела вокруг глазами
И, вздохнувши тяжко, тяжко,
С неприступной той бойницы
Тихо вниз она сошла.

Входят весело казаки
В крепость грозного Сузгун;
Впереди их воевода,
Атаман Гроза, и молча
Он прилежно озирает
Покорившийся Сузгун.
Вот идет он в терем царский
Словом ласковым приветить
Несчастливую царицу,
Но в палатах царских пусто.
Он обходит все строенье,
Но царицы нет нигде...
«Где ж она?» – Гроза подумал,
И большое подозренье
В грудь казачью запало.
Злой укор в устах теснится...
Вдруг увидел он царицу
И укор свой удержал.
Под навесом пихт душистых,
Прислоняся головою
К корню дерева, сидела
Одинокая царица.
Вьется ветром покрывало,
Руки сложены на грудь.
Атаман к Сузге подходит,

Перед ней снимает шапку,
Низко кланяется, молвит:
«Будь спокойна ты, царица!
Мы казаки, а не звери,
Бог нам дал теперь победу,
Так грешно бы нам и стыдно,
Благость Бога презирая,
Обижать тебя, царица!
Ты о плене позабудешь, —
Слово честное даю».
Но напрасно воевода
Ждет ответа от царицы.
Изумлен ее молчаньем,
Подошел он тихо к ней,
Тихо поднял покрывало
И поспешно отступил.
Матерь божия! Не сон ли
Видит он? В лице нет жизни;
Щеки бледностью покрыты,
Льется кровь из-под одежды,
И в глазах полузакрытых
Померкает божий свет.
«Что ты сделала, царица?» —
Вскрикнул громко воевода,
Кровь рукою зажимая.
Вдруг царица задрожала,
На Грозу она взглянула...
Это не был взор отмщенья,
Это был — последний взор!

Под наклоном пихт душистых
Собралися все казаки.
И стоят они без шапок;
Два урядника отряда
Насыпают холм могильный.
Тишина лежит кругом!
Вот обряд печальный кончен.
Поклонись сырой могиле,
Говорит Гроза казакам:
«Гой, товарищи казаки!
Здесь нам нет уж больше дела,
Снаряжайтесь на Искер!»
Ночь спустилась на землю,
Ветер воет по дубраве,
Гонит тучи дождевые,
А Иртыш о круть утеса
Плещет звонкою волной.
Распустив свои ветрила,
Едут добрые казаки.
Льется песня их живая —
Что про матушку про Волгу,
Что про Дон их, Дон родимый,
Что про славу казака.
А вдали, клубясь волнами,
Блещет пламя над Сузгуном —

На стенах его высоких,
На крутых его бойницах...
Рдеет небо полуночи!
Блещут волны Иртыша.

1837

ПЕСНЯ КАЗАКА

Даша милая, прости:
Нам велят в поход идти.
Позабыли турки раны,
Зашумели бусурманы.
Надо дерзких приунять,
В чистом поле погулять.
Изготовлен конь мой ратный,
Закален мой меч булатный,
И заточено мое
Неизменное копье.
С быстротою хищной птицы
Полечу я до границы;
Черным усом поведу
Бусурманам на беду;
Свистну посвистом казацким
Пред отрядом цареградским
И неверного пашу
На аркане задушу.
«Знай, турецкий забияка,
Черноморского казака!
И не суйся в спор потом
С нашим батюшкой царем».
И, потешившись с врагами,
С заслужёнными крестами

Ворочуся я домой
Вечно, Даша, жить с тобой!

Начало 1830-х годов

СМЕРТЬ ЕРМАКА

Сонет³²

Тяжелые тучи сибирское небо одели;
Порывистый ветер меж сосен угрюмых шумел;
Венчанные пеной, иртышские воды кипели;
Дождь лился рекою, и гром полуночный гремел.
Спокойно казаки на береге высоком сидели,
И шум непогоды дремоту на очи навел.
Бестрепетный вождь их под сенью ветвистый ели,
Опервшись на саблю, на смелых казаков смотрел.
И злая кручинна на сердце героя лежала,
Главу тяготила, горячую кровь волновала.
И ужас невольный дух бодрый вождя оковал.
Вдруг дикие крики... Казацкая кровь заструилась...
Булат Ермака засверкал – толпа расступилась —
И кто-то с утеса в кипевшие волны упал.

---

³² Смерть Ермака (с. 81). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. Ермак Тимофеевич (?-1585) – казачий атаман. Походом под его предводительством (ок. 1581) началось освоение Сибири Русским государством. В результате этого похода Сибирское ханство Кучума распалось. Во время сражения с отрядом Кучума Ермак утонул в реке Вагай, притоке Иртыша.

Начало 1830-х годов

РУССКИЙ ШТЫК³³

Лей полнее, лей смелее
И по-русски – духом, вмиг!
Пьем за то, что всех милее,
Пьем за крепкий русский штык!
Пьем – и весело, по-братски
Прокричим обычный крик:
«Здравствуй, наш товарищ хватский!
Здравствуй, крепкий русский штык!»
Прочь с косами! Прочь с буклями!
К черту пудреный парик!
Дай нам водки с сухарями,
Дай нам крепкий русский штык!
Что нам в пудре? Что в помаде?
Русский бабиться не свык;
Мы красивы, мы в наряде,
Если с нами русский штык!
Пушки боятся до последа,
Штык кончает дело вмиг;
Там удача, там победа,
Где сверкает русский штык.
И с Суворовым штыками

---

³³ Русский штык (с. 82). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976.

Окрестили мы Рымник³⁴.
Ставь хоть горы над горами —
Проберется русский штык.
Штык не знает ретирады³⁵
И к пардонам не привык.
Враг идет просить пощады,
Лишь почует русский штык.
И на Альпах всю дорогу
Враг обставил лесом пик³⁶, —
Мы сперва к святому Богу,
А потом за русский штык.
Мы пробили Апеннины,
В безднах грянул русский крик:
Чрез ущелья, чрез теснину
Пролетел наш русский штык.
Нет штыка на свете краше,
С ним не станем мы в тупик;
Все возьмем, все будет наше —
Был бы с нами русский штык!

1833 (?)

---

³⁴ «И с Суворовым штыками Окрестили мы Рымник». – Русские и австрийские войска под командованием А. В. Суворова 11 сентября 1789 года одержали победу над турками при речке Рымник.

³⁵ Ретирада – отступление.

³⁶ «И на Альпах всю дорогу Враг обставил лесом пик...» – Речь идет об Итальянском походе А. В. Суворова 1799 года.

МОНОЛОГ СВЯТОПОЛКА ОКАЯННОГО

Святополк стоит на берегу волнующегося Дуная³⁷

Шуми, Дунай, шуми во мраке непогоды!
Приятен для меня сей страшный плеск валов;
Люблю смотреть твои пенящиеся воды
И слышать стон глухой угрюмых берегов.
При блеске молнии – душа моя светлеет,
И месть кровавая – при треске грома спит,
Мученье совести в душе моей слабеет,
А властолюбие – сей идол мой! – молчит.
Волненье бурное обманчивой стихии,
Дуная шумного величественный вид

³⁷ Монолог Святополка Окаянного (с. 84). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. Историческая основа – летописные предания из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Святополк (ок. 980-1019) – туровский князь, в междуусобной борьбе за киевский престол убил своих братьев – князей Бориса Ростовского, Глеба Муромского и Святослава Древлянского, получил прозвище Окаянный. Потерпев поражение от Ярослава Новгородского, пытался бежать в Польшу, к своему тестю польскому королю Болеславу, но в пути умер.

Мне ясно говорит о милой мне России,
О славном Киеве мне ясно говорит.
Я вижу пред собой славян непобедимых,
С их дикой храбростью, с их твердою душой;
Я слышу голоса — то звук речей родимых, —
И терем княжеский стоит передо мной!..
Но что мне слышится?.. Кому дают обеты:
«До гроба верности своей не изменить»?..
Да будут прокляты презренные клевреты!
Да будет проклят тот, кто мог меня лишить
Престола русского! Кто дерзкою рукою
Сорвал с главы моей наследственный венец;
Кто отнял скипетр мой, врученный мне судьбою...
Ты будешь неотмщен, несчастный мой отец!
Твой сын — не русский князь... Изгнаник он
презренный,
Оставленный от всех, ничтожный, жалкий пес,
Пришлец чужой земли, проклятьем отягченный
И милосердием отвергнутый небес!
О! Если бы я мог, я б собственной рукою
Злодея моего на части разорвал,
Втоптал бы в прах его безжалостной ногою
И прах бы по полю с проклятьем разметал...
Молчи, молчи, Дунай! Теперь твой шум сердитый
Ничто пред бурею, которая кипит
В душе преступника, спокойствием забытой...
Она свирепствует — пусть все теперь молчит!

Начало 1830-х годов

СМЕРТЬ СВЯТОСЛАВА³⁸

«Послушай совета Свенельда³⁹ младого
И шумным Днепром ты, о князь, не ходи;
Не верь обещаньям коварного грека:
Не может быть другом отчаянный враг.
Теперь для похода удобное время:
Днепровские воды окованы льдом,
В пустынях бушуют славянские выюги
И снегом пушистым твой след занесут».
Так князю-герою Свенельд-воевода,
Главу преклоняя пред ним, говорил.
Глаза Святослава огнем запылали,
И, стиснув во длани свой меч, он сказал:
«Не робкую силу правитель вселенной —
Всесильный Бельбог⁴⁰ — в Святослава вложил;

³⁸ Смерть Святослава (с. 86). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. Святослав I (?-972) – князь киевский, сын князя Игоря, выдающийся полководец, разгромил Хазарский каганат, совершил походы в Волжскую Болгарию и Болгарию. Погиб в сражении с печенегами, союзниками Византии, у днепровских порогов. По легенде, печенеги сделали из черепа Святослава чашу, из которой пили на пирах.

³⁹ Свенельд – воевода, служивший нескольким киевским князьям, вместе со Святославом участвовал в походах против болгар и греков.

⁴⁰ БельБог – в славянской мифологии божество, олицетворяющее светлые силы природы, противопоставлялся ЧерноБогу – божеству

Не знает он страха и с верной дружиной
От края земли до другого пройдет.
Не прежде, как стихнут славянские выюги
И Днепр беспокойный в брегах закипит,
Сын Ольги⁴¹ велит воеводе Свенельду
Свой княжеский стяг пред полком развернуть».
Вот стихнули выюги, и Днепр неспокойный
О мшистые скалы волной загремел.
«На родину, други! В славянскую землю!» —
С улыбкой веселой сказал Святослав.
И с шумным весельем вскочили славяне
На лодки и плещут днепровской волной.
Меж тем у порогов наемники греков
Грозу-Святослава с оружием ждут.
Вот подплыл бесстрашный к порогам днепровским
И был отовсюду врагом окружен.
«За мною, дружина! Победа иль гибель!» —
Свой меч обнажая, вскричал Святослав.
И с жаром героя он в бой устремился;
И кровь от обеих сторон полилась;
И бились отважно славяне с врагами;
И пал Святослав под мечами врагов.
И князю-герою главу отрубили,
И череп стянули железным кольцом...
И вот на порогах сидят печенеги,
И новая чаша обходит кругом...

тьмы.

⁴¹ Ольга (?-969) – мать Святослава, киевская княгиня.

Начало 1830-х годов

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО⁴²

Светлое небо покрылось туманною ризою⁴³ ночи;
Месяц сокрылся в волнистых изгибах хитона⁴⁴
ночного;

В далеком пространстве небес затерялась
зарница;

Звезды не блещут.

Поля и луга Вифлеема⁴⁵ омыты вечерней росою;
С цветов ароматных лениво восходит в эфир дым
благовонный;

Кипарисы курятся.

Тихо бегут сребровидные волны реки Иордана;
Недвижно лежат на покате стада овец
мягкорунных;

Под пальмой сидят пастухи Вифлеема.

---

⁴² Ночь на Рождество Христово (с. 88). Впервые – Библиотека для чтения, 1834, т. 7.

⁴³ Риза – верхнее церковное облачение священнослужителей; металлический оклад на иконе.

⁴⁴ Хитон – одежда в Древней Греции и у некоторых народов Востока; льняная или шерстяная рубашка, чаще без рукавов, подпоясывалась с напуском.

⁴⁵ Вифлеем – город в Палестине; по евангельской легенде, там родился Иисус Христос.

Первый пастух. Слава Седящему в вышних
пределах Востока!

Не знаю, к чему, Нафанаил, а сердце мое утопает
в восторге;

Как агнец в долине, как легкий олень на Ливане⁴⁶,
как ключ Элеонский⁴⁷, —

Так сердце мое и бьется, и скачет.

Второй пастух. Приятно в полудни, Аггей,
отдохнуть под сенью Ливанского кедра;

Приятно по долгой разлуке увидеться с близкими
сердцу;

Но что я теперь ощущаю... Словами нельзя
изъяснить...

Как будто бы небо небес в душе у меня
поместились;

Как будто бы в сердце носил я всезрящего Бога.

Первый пастух. Друзья! воспоем Иегову⁴⁸,

Столь мудро создавшего землю,

Простершего небо шатром над водами;

Душисты цветы Вифлеема,

Душист аромат кипариса;

Но песни и гимны для Бога душистей всех жертв и
курений.

И пастыри дружно воспели могущество Бога

---

⁴⁶ Ливан – здесь: горный массив в Палестине.

⁴⁷ Ключ Элеонский – поток, отделяющий Иерусалим от Масличной, или Элеонской горы, с которой связаны значительные события жизни Иисуса Христа.

⁴⁸ Иегова (Яхве) – одно из священных имен Бога в иудаизме.

И чудо творений, и древние лета...

Как звуки тимпана⁴⁹, как светлые воды – их голоса
разливались в пространстве.

Вдруг небеса осветились, —

И новое солнце, звезда Вифлеема, раздрав
полуночную ризу небес,

Явилась над мрачным вертепом,

И ангелы стройно воспели хвалебные гимны во
славу рожденного Бога,

И, громко всплеснув, Иордан прокатил
сребровидные воды...

Первый пастух. Я вижу блестящую новую звезду!

Второй пастух. Я слышу хвалебные гимны!

Третий пастух. Не Бог ли нисходит с Сиона⁵⁰?..

И вот от пределов Востока является ангел:

Криле⁵¹ позлащены, эфирный хитон на раменах⁵²,
Веселье во взорах, небесная радость в улыбке,

Лучи от лица, как молнии, блещут.

Ангел. Мир приношу вам и радость, чада Адама!

Пастухи. О, кто ты, небесный посланник?.. Сиянье
лица твоего ослепляет бренные очи...

Не ты ль Моисей⁵³, из Египта изведший нас древле

⁴⁹ Тимпан – древний ударный музыкальный инструмент.

⁵⁰ Сион – священная гора в Иерусалиме, где, согласно Библии, был
дворец царя Давида, а также Иерусалимский храм.

⁵¹ Криле – крылья.

⁵² Рамена – плечи.

⁵³ Моисей – по Библии, пророк, предводитель израильских племен,

В землю, кипящую млеком и медом?

Ангел. Нет, я Гавриил⁵⁴, предстоящий перед Богом,
И послан к вам возвестить бесконечную радость.
Свершилась превечная тайна: Бог во плоти днесь
явился.

Пастухи. Мессия⁵⁵?.. О радостный вестник,
приход твой от Бога!

Но где, покажи нам, небесный младенец, да можем
ему поклониться?

Ангел. Идите в вертеп Вифлеемский⁵⁶.

Превечное слово, его же пространство небес не
вмещало, покоится в яслях.

И ангел скрылся!

И пастыри спешно идут с жезлами к вертепу.

Звезда Вифлеема горела над входом вертепа.

Ангелы пели: «Слава сущему в вышних! мир на
земли, благодать в людях!»

Пастыри входят – и зрят непорочную матерь при
яслях,

призванный Богом вывести израильтян из египетского рабства; перед
бежавшими от фараоновых войск израильтянами расступились воды
Красного моря; на горе Синай Бог дал Моисею две каменные плиты
(скрижали) с начертанными на них 10 заповедями.

⁵⁴ Гавриил – архангел, возвестивший деве Марии, что у нее родится
сын Иисус Христос.

⁵⁵ Мессия (евр. спаситель) – по Ветхому завету, будет послан Богом на
землю уничтожить зло; в Евангелии (Новом завете) мессианская роль
отведена Иисусу Христу.

⁵⁶ Вертеп Вифлеемский – пещера, где родился Иисус Христос.

И Бога-младенца, повитого чистой рукою Марии,
Иосифа-старца, вперившего очи в превечное
слово...

И пастыри, пад, поклонились.

1834

МОЛОДОЙ ОРЕЛ⁵⁷

Как во поле во широком
Дуб высокий зеленел;
Как на том дубу высоком
Млад ясен орел сидел.

Тот орел ли быстрокрылой
Крылы мочные сложил.
И к сырой земле уныло
Ясны очи опустил.

Как от дуба недалеко
Речка быстрая течет,
А по речке по широкой
Лебедь белая плывет.

Шею выгнув горделиво,
Хвост раскинув над водой,
Лебедь белая игриво
Струйку гонит за собой.

«Что, орел мой быстрокрылой,
Крылья мочные сложил?
Что к сырой земле уныло

---

⁵⁷ Молодой орел (с. 91). Впервые – Библиотека для чтения, 1834, т. 7. Один из первых опытов Ершова в песенном жанре. Получил высокую оценку В. К. Кюхельбекера (см.: Дневник В. К. Кюхельбекера. М.-Л., 1929, с. 222). Послужил источником популярной в конце XIX века народной песни «Как на дубе на зеленом».

Ясны очи опустил?
Аль не видишь – недалеко
Речка быстрая течет,
А по речке по широкой
Лебедь белая плывет?
Мочны крылья опустились?
Клёв ли крепкий ослабел?
Сильны ль когти притупились?
Взор ли ясный потемнел?
Что с тобою, быстрокрылой?
Не случилась ли беда?»
Как возговорит уныло
Млад ясен орел тогда:
«Нет, я вижу: недалеко
Речка быстрая течет,
А по речке по широкой
Лебедь белая плывет.
Мочны крылья не стареют;
Крепкий клёв не ослабел,
Сильны когти не тупеют,
Ясный взор не потемнел.
Но тоска, тоска-кручинा
Сердце молодца грызет,
Опостыла мне чужбина,
Край родной меня зовет.
Там в родном kraю приволье
По поднебесью летать,
В чистом поле на раздолье
Буйный ветер обгонять.

Там бураном вьются тучи;
Там потоком лес шумит;
Там дробится гром летучий
В быстром беге о гранит.
Там средь дня, в выси далекой
Тучи полночья висят;
Там средь полночи глубокой
Льды зарницами горят.
Скоро ль, скоро ль я оставлю
Чужеземные край?
Скоро ль, скоро ль я расправлю
Крылья мочные мои?
Я с знакомыми орлами
Отдохну в родных лесах;
Я взнесусь над облаками,
Я скроюсь в небесах».

1834 (?)

РУССКАЯ ПЕСНЯ⁵⁸

Уж не цвесь цветку в пустыне,
В клетке пташечке не петь!
Уж на горькой на полыне
Сладкой ягодке не зреТЬ!
Ясну солнышку в ненастье
В синем небе не сияТЬ!
Добру молодцу в несчастье
Дней веселых не видать!
Как во той ли тяжкой доле
Русы кудри разовью;
Уж как выйду ль в чисто поле
Разгулять тоску мою.
Может, ветер на долину
Грусть-злодейку разнесет;
Может, речка злу кручину
Быстрой струйкой разобьет.
Не сходить туману с моря,
Не сбежать теням с полей,
Не разбить мне люта горя,
Не разнесть тоски моей!

1835

---

⁵⁸ Русская песня (с. 94). Впервые – Библиотека для чтения, 1835, т. 10. В начале 1840-х годов была положена на музыку.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ⁵⁹

Я понял, я знаю всю прелесть любви!
Я жил, я дышал не напрасно!
Недаром мне сердце шептало: «Живи!» —
В минуты тревоги ненастной.
Недаром на душу в веселых мечтах
Порою грусть тихо слетала
И тайная дума на легких крылах
Младое чело осеняла.
Но долго я в жизни печально блуждал
По тернам стези одинокой;
Но тщетно я в мире прекрасной искал,
Как розы в пустыне далекой.
И много общел я роскошных садов,
Но сердце ее не встречало;
И много я видел прелестных цветов,
Но сердце упорно молчало.
Пустыней казался мне мир. На пути
Нигде не слыхал я привета.
Зачем же, я думал, сей пламень в груди
И сердце восторгом согрето?
Но нет, не напрасно тот пламень возжжен

⁵⁹ Первая любовь (с. 95). Впервые – Библиотека для чтения, 1835, т. II. Посвящено сестре писателя К. П. Масальского, университетского товарища Ершова. В семье Масальских поэт бывал в 1834–1835 годах.

И сердце в восторге трепещет!
Настанет мгновенье, и радостно он
В очах оживленных заблещет!
Настанет мгновенье, и силой мечты
Возникнет мир новый, чудесный.
То мир упоенья! То мир красоты!
То отблеск отчизны небесной!
И радужным светом оденется высь
И ярко в душе отразится;
И в сердце проникнет небесная жизнь,
И сумрачный взор прояснится...
Настало мгновенье... И, радость очей,
С надзвездной долины эфира
Хранитель мой, гений в сиянье лучей
Приникнул над бездною мира.
Он видит глубокую тьму под собой,
Он слышит печальных призванья.
Он сходит на землю воздушной стопой —
Утишить земные страданья.
И мир превратился в роскошный чертог,
И в тернах раскинулись розы;
И в сердце зажегся потухший восторг,
И сладкие канули слезы.
О, сколько блаженства во взоре его!
О, сколько в улыбке отрады!
Всю вечность смотрел бы, смотрел на него:
Другой мне не нужно награды.
Но нет, то не гений! Небесный жилец
На землю незримо нисходит;

Но нет, то не смертный! Удельный⁶⁰ пришлец
На небо собой не возводит.
То горняя в мире земном красота!
То цвет из эдемского рая!
То лучшая чистого сердца мечта!
То дева любви молодая!
О юноша! в гордой душе не зови
Забавой мечты той прекрасной!
Я понял, я знаю всю цену любви!
Я жил, я дышал не напрасно!

1835

---

⁶⁰ Удельный – земной.

ТУЧА

Ходит туча в синем небе,
Смотрит туча мрачным взором,
На груди покоя гром.

«Где бы лучше, — молвит туча, —
Мне расстлаться в синем небе
Молньеблещущим ковром?»
Видит море. Черным валом
Плещет море в дальний берег,
Ходит белою грядой.

«Разостлалась бы над морем —
Не спалить мне синя моря,
Не зажечь волны седой».

Туча дальше. Столп гранита,
Подпирая сине небо,
Опоясан бездной вод.

«Раздавила б, растопила б
Я Атланта. Но, могучий,
Он разрушен — не падет».

Туча дальше. Тучны нивы
Дышат грудью золотою,
Блещут бисером росы.

«Не над ними грому грянуть!
Пища червя — им ужасен
И ничтожный взмах косы».

Ходит туча в синем небе,
Смотрит туча мрачным взором,
На груди колебля гром.
«Где бы лучше, — ропщет туча, —
Мне отгрянутъ в синем небе
Разрушительным ядром?»
Видит царство. Город пышный,
Семь холмов собой раздвинув,
Три реки сплотил собой.
Шпицы башен блещут в солнце,
Будто горы — медны стены
Въются длинною трубой.
Пышность зданий, блеск уборов,
Шум движенья, говор людства,
Гром тимпанов и мечей.
Стала туча. Дышит гневом.
Меркнет солнце от движенья
Мрачно-огненных очей.
«Расстелюсь я над холмами,
Я всколеблю ось земную,
Я разрушу пышный град!»
Но могуща сила веры:
Дряхлый старец слабой дланью
Двинул грозную назад!

НОЧЬ⁶¹

Лежала тьма на высях гор;
В полях клубился мрак унылый;
Повитый мглой, высокий бор
Курился ладаном могилы.
Лениво бурная река
Катила в море вал гремучий,
И невидимая рука
Сдвигала огненные тучи.
Не холнет⁶² ветр в тиши ночной;
Не дрогнет лист немой дубравы;
Лишь изредка в чащи лесной
Сверкнут глаза звездой кровавой.
Лишь изредка косматый зебрь
В трещобу дальнюю промчится,
И отзовется гулом дебрь,
И след волною заструится.
Но снова прянет тишина!
И мрак, печальный спутник ночи,
Крылами радужными сна
Смежает дремлющие очи.

---

⁶¹ Ночь (с. 100). Впервые – Осенний вечер, изданный В. Лебедевым. Спб., 1835.

⁶² Холнуть – нанести холод, остудить.

1835

ДУБ⁶³

На стлани зелени волнистой,
Под ярким куполом небес
Широко веет дуб тенистый —
Краса лесов, предел очес.
Он возрастал в борьбе жестокой,
Он возмужал в огнях грозы
И победителем высоко
Раскинул гордые красы.
Он видел бури разрушенья,
Громады, падшие во прах,
И праздник нового рожденья,
И жизнь в торжественных венцах.
Но никогда, Богатый силой,
Он не склонялся перед грозой,
И над дымящейся могилой
Он веял жизнью молодой.
Не раз орел небес пернатый
Венчал главу его крылом,
Внимал бессильные раскаты
Над гордым гения челом.
Как он велик, могучий гений,
Властитель трепетных полей!
Он бросил в них державно тени

⁶³ Дуб (с. 101). Впервые – Библиотека для чтения, 1840, т. 39.

И поглотил весь свет лучей.
Теперь в нем дремлют мощь и сила!
Грозы мертвящая рука
Давно уж меч свой притупила
О грудь стальную старика.
Но что? ужель боец надменный
Умрет в недеятельном сне
И червь, точа во тьме презренной,
Его разрушит в тишине?
О нет! Иное назначенье!
Он должен рухнуть под косой,
Чтоб снова праздновать рожденье,
Чтоб снова ратовать с грозой.
Гремит волна, рокочут тучи,
И вот, как феникс⁶⁴, окрылен,
Из края в край кормой летучей
Бесстрашно бездны роет он.
В пучине влаги своенравной
Он вновь открыл избыток сил,
И вновь орел самодержавный
Его чело приосенил.

1835

---

⁶⁴ Феникс – символ вечной жизни; по египетской мифологии, священная птица, погибающая в пламени и возрождающаяся из пепла.

ТИМКОВСКОМУ. НА ОТЪЕЗД ЕГО В АМЕРИКУ⁶⁵

Готово! Ясны небеса;
В волнах попутный ветр холмится,
И чутко дремлют паруса,
И гром над пушкою дымится.
Бокал! Бокал! Пускай струя

---

⁶⁵ Тимковскому. На отъезд его в Америку (с. 103). Впервые – Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцева. Спб., 1872 (с сокращениями). Полностью – Ершов П. Стихотворения. Л., 1936. Тимковский Константин Иванович – университетский товарищ Ершова, сын цензора пушкинских времен и дочери известного восточносибирского промышленника и мореплавателя Г. И. Шелехова. Окончив университет, поступил во флот и был откомандирован в качестве юнкера на службу в основанную Г. И. Шелеховым Российско-Американскую компанию. 5 августа 1835 года Тимковский отплыл из Кронштадта на корабле «Елена» в Америку. Это послужило поводом для послания Ершова. В 1837 году Тимковский вернулся в Петербург, занимался литературной деятельностью, с 1848 года – активный участник кружка М. В. Петрашевского, участвовал в знаменитых «пятницах». Вместе с Ф. М. Достоевским и другими петрашевцами пережил ожидание смертной казни на площади. В 1849–1857 годах отбывал наказание в арестантских ротах. Последние годы жил в Петербурге, умер в 1881 году. В послании Ершова отражены юношеские мечты и напоминание другу о клятве, которую они дали друг другу «на жизнь и смерть», посвятить себя изучению Сибири.

Сребристых вод донских пред нами
Горит жемчужными огнями
И шумно плещет чрез края.
Ударив дружно руки в руки,
Мы усладим прощальный час
И горечь долгия разлуки,
Судьбой положенной для нас.
К чему роптать? Закон небесный
Нас к славной цели предызбрал,
И он же нам в стране безвестной
Ту цель в рассвете указал.
Какая цель! Пустыни, степи
Лучом гражданства озарить,
Разрушить умственные цепи
И человека сотворить;
Раскрыть покров небес полночных,
Богатства выспросить у гор
И чрез кристаллы вод восточных
На дно морское кинуть взор.
Послушать тайные сказанья
Лесов дремучих, скал седых
И вырвать древние преданья
Из уст курганов гробовых;
Воздвигнуть падшие народы,
Гранитну летопись прочесть
И в славу витязей свободы
Колосс подоблачный вознесть.
В защиту правых, в казнь неправым
Глагол на Азию простерть,

Обвить моря, орлом двуглавым
И двинуть в них и жизнь и смерть.
Такая цель! Мой друг, ужели,
Себе и чести изменив,
Мы отбежим от славной цели
И сдержим пламенный порыв!
Ужель, забыв свое призванье
И охладив себя вконец,
Мы в малодушном ожиданье
Дадим похитить свой венец?
Нет! нет! Пока в нас сердце дышит, —
Пока струится жар в крови, —
Ничто, ничто да не подвижет
Святой и доблестной любви!
Сомненья робкие подавим,
Явим величье древних дней,
И козням зла противоставим
Всю силу твердости своей.
Великим трудностям — терпенье;
Ошибкам — первые плоды;
Толпе насмешливой — презренье,
Врагам — молчанье и труды.
Желанье славы есть уж слава;
Успех достойно превознесь;
Но кто ж дерзнет исхитить право
Героя падшего на честь?
Но кто ж дерзнет клеймом бесчестья
Его паденье запятнать,
И в то же время низкой лестью

Успех злодейства увенчать?
Влеченью высшему послушны,
Мой друг, оставим малодушных
С их целью жизни мелочной,
С самолюбивым их расчетом —
Изнемогать под вольным гнетом
И смыться темною волной.
Не охладим святого рвенья;
Пойдем с надеждою вперед.
И если... пусты! Но шум паденья
Миллионы робких потрясет.

1835

ЖЕЛАНИЕ⁶⁶

Чу! Вихорь пронесся по чистому полю!
Чу! Крикнул орел в громовых облаках!
О, дайте мне крылья! О, дайте мне волю!
Мне тошно, мне душно в тяжелых стенах!
Расти ли нагорному кедру в теплице,
И красного солнца и бурь не видать;
Дышать ли пигаргу⁶⁷ свободно в темнице,
И вихря не веять и тучи не рвать?
Ни чувству простора! Ни сердцу свободы!
Ни вольного лёту могучим крылам!
Все мрачно! Все пусто! И юные годы
Как цепи влачу я по чуждым полям.
И утро заблещет, и вечер затлеет,
Но горесть могилой на сердце лежит.
А жатва на ниве душевной не зреет,
И пламень небесный бессветно горит.
О, долго ль стенать мне под тягостным гнетом?
Когда полечу я на светлый восток?
О, дайте мне волю! Орлиным полетом
Я солнца б коснулся и пламя возжег.
Я б реял в зефире, я б мчался с грозою

⁶⁶ Желание (с. 106). Впервые – Библиотека для чтения, 1835, т. 13 (цензурное разрешение 31 октября 1835).

⁶⁷ Пигарг – вид орла.

И крылья разливом зари позлатил;
Я жадно б упился небесной росою
И ниву Богатою жатвой покрыл.
Но если бесплодно страдальца моленье,
Но если им чуждо желанье души, —
Мой гений-хранитель, подай мне терпенье,
Иль пламень небесный во мне потуши!

1835, октябрь

ПЕСНЯ ОТРОКА

Из либретто оперы «Страшный меч»⁶⁸

В небе морок, в сердце горе!
Что мне делать? Как мне быть?
Я пойду ль на сине море
С ним кручину разделить.
Там на береге зеленом,
Над широкою волной,
Поклонюсь ему поклоном
И спрошу его с тоской:
«Море! Море! Ты волнами
Весь мир божий обтекло;
За какими берегами
Вечно на небе светло?»

1835

---

⁶⁸ Песня отрока (из либретто оперы «Страшный меч») (с. 108). Впервые – Иллюстрированный вестник, 1876, № 7. Либретто «большой волшебно-героической оперы в пяти действиях» было написано для друга поэта – композитора И. К. фон Гунке (1801–1883); одобрено цензурой к представлению в июне 1836 года. По неизвестным причинам опера так и не была поставлена.

ПЕСНЯ СТАРИКА ЛУКИ

Из драматической повести «Фома-кузнец»⁶⁹

Вдоль по улице широкой
Молодой кузнец идет;
Ох, идет кузнец, идет,
Песню с посвистом поет.
Тук! Тук! Тук! С десяти рук
Приударим, братцы, вдруг.
Соловьем слова раскатит,
Дробью речь он поведет;
Ох, речь дробью поведет,
Словно меду поднесет.
Тук! Тук! и пр.
Полюби, душа Параша,
Ты лихого молодца;
Ох, лихого молодца,
Что в Тобольске кузнеца.

---

⁶⁹ Песня старика Луки (Из драматической повести «Фома-кузнец») (с. 109). Впервые – Осенний вечер, изданный В. Лебедевым. Спб., 1835. Драматическая повесть не окончена. Песня старого кузнеца Луки была положена на музыку А. А. Алябьевым для мужского хора и включена композитором в сборник своих песен. Бытowała как народная, пользовалась популярностью и в советское время.

Тук! Тук! и пр.
Как полюбишь, разголубишь,
Словно царством подаришь;
Ох, уж царством подаришь,
Енералом учинишь.
Тук! Тук! и пр.

1835

«ВСТУПАЯ В СВЕТ НЕБЛАГОДАРНЫЙ...»⁷⁰

Вступая в свет неблагодарный
И видя скорби, я роптал;
Но мой хранитель светозарный
Мне в утешение сказал:
«Есть два сопутника меж вами,
Они возьмут тебя в свой кров,
Они усыплют путь цветами,
Зовут их – дружба и любовь».
И я с сердечною тоскою
Пошел сих спутников искать...
Один предстал ко мне с тобою,
Другого, может, не видать.

1835

---

⁷⁰ «Вступая в свет неблагодарный...» (с. 110). Впервые – Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцева. Спб., 1872. Посвящено В.А. Треборну. Треборн Владимир Александрович – близкий университетский товарищ Ершова, поддерживавший с ним регулярную переписку до конца жизни, занимался литературной деятельностью, писал шуточные стихотворения, переводил с немецкого.

СЕМЕЙСТВО РОЗ⁷¹

Элегия на смерть двух девиц-сестер, которые утонули в Неве. Одна из них была уже помолвлена

Видали ль вы в долине сокровенной,
В тени склонившихся над озером берез,
Могильный холм – приют уединенный
Семейства мирного пустынных милых роз?
Волна прозрачная, любуясь их красою,
Лелеет на груди трепещущей своей,
И резвый мотылек – любимый гость полей —
Летит к ним отдохнуть полдневною порою
В сиянье радужных огней.
Вечерний ветерок, играя их кудрями,
Когда свершается торжественный закат,
Несется медленно над светлыми полями
И веет сладкий аромат.
Забытые в глухи, под ясным неба сводом,

⁷¹ Семейство роз. Элегия (с. 111). Впервые – Летопись факультетов на 1835 год, изданная в двух книгах А. Галичем и В. Плаксиным, кн. 1. Спб., 1835 (цензурное разрешение – 30 апреля 1835) с сокращениями. Полностью – Библиотека для чтения, 1835, т. 13.

Любимцы солнцевы – из крова своего
Они любуются блистательным восходом
И тихим шелестом приветствуют его.
Заря вечерняя, светило дня скрывая
За рубежом далеких синих гор,
Встречает их прощальный взор,
Дарит улыбкою последней, доторая.
И в час безмолвия таинственных ночей,
Родными ветвями соплетшия игриво,
Они покоятся счастливо
На лоне матери своей...
Не страшны бури им: в сени гостеприимной
Они защищены от бурь и непогод.
Затмится ли когда небес лазурный свод
Грядами тучи дымной;
Промчится ли борей⁷² сердитый по лесам,
Прольется ль молния огнистыми струями,
Отгрянет ли перун⁷³ по мрачным небесам, —
Березы мирными обнимут их ветвями,
И дождь скользит по их верхам.
Счастливы розы те в беспечности невинной!
Но всех счастливее из милых роз одна:
Царица области пустынной,
Как упоительна, как роскошна она!
Какою негою пленительною дышит!
Каким огнем уста ее горят!

⁷² Борей – по греческой мифологии, холодный северный ветер.

⁷³ Перун – здесь: гром.

Какой с кудрей ее струится аромат,
Когда зефир главу ее колышет!
Не ей ли по ночам, в густой тени ветвей,
Когда луна течет в порфире позлащенной,
Поет столь нежно соловей,
Любовью упоенный?
Не ей ли при заре, когда восток горит,
Когда прохладою предутреннею веет,
Певцов воздушных царь и свищет и дробит,
И в страстной песни млеет?
То ей! То розе молодой!
Она задумчиво певцу любви внимает,
Склоняясь прелестною главой:
И грудь волнуется, и лик ее пылает!
Не тщетно любит соловей:
Глас сладостной любви для милой розы внятен,
И счастливый певец любви и красных дней
Для сердца нежного красавицы приятен.
Но здесь ли на земле под гибнущей луной
Искать негибнущего счастья?
Кто в жизни не видал грозы над головой?
Кто, счастливый, избег от грома и ненастья
И не скорбел печальною душой?
Где тот счастливейший, кто в жизни в непогоду
Умел торжествовать средь бури роковой,
Кто укрепил бессильную природу,
Не изнемог в борьбе с враждебною судьбой?
Восставшие из тленья,
Всечасно ратуя с природой и с собой,

В груди мы носим смерть и веру в провиденье.
Готовый в путь, оснащен легкий челн,
Маяк горит на пристани востока,
Ум – кормчий за рулем, и мы средь ярых волн
В необоримой власти рока!

Сначала новый путь пленяет новизной,
Приятны нам картины юной жизни,
И мы плывем с веселою душой
В родимый край отчизны!

Но длится жизни путь; наш кормчий уж устал,
Склоняясь на руль, беспечно засыпает;
И жизни цвет в мечтах неясно исчезает.

А челн вперед... Вдруг бури дух восстал,
Завеса черная маяк во тьме скрывает,
О твердую скалу гремит косматый вал,
И ветер рвет бессильные ветрила.

Проснувшись пловец спешит схватить
корнило —

Но поздно! Челн бежит на ряд подводных скал,
И море челн разбитый поглотило!..

Вот наша жизнь! Блажен, кто с юных лет
От тихой пристани очей не отвращает
И с теплой верою средь горестей и бед
Все к ней, все к ней стремленье направляет,
Он весело плывет чрез бурный океан,
Маяк горит, в очах его светлея,
Редеет сумрачный туман,
И берег родины все ближе и виднее...
Вот пристань... И пловец, отбросив легкий челн,

Целует тихий брег страны обетованной
И, кинув светлый взор на волны океанда,
Ложится отдохнуть от плаванья и Волн.
О розы милые! недолго вы блисталы,
Недолго путника вы радовали взор!
Еще снега не скрыли близких гор,
А вы уже увяли!

Где светлый ваш хранитель-ангел был,
Когда на озере громады собирались,
Когда в лесах сердитый ветр завыл
И стаи воронов с далеких гор слетались?
Зачем оставил вас? Зачем своим крылом
Во время бурного движения природы
Не скрыл от бурь и непогоды,
Не отвратил ниспадший с неба гром?
Скончалась ночь. Восток холодным пламенем
пышет;
В безоблачной выси скликаются орлы;
Но буря все сильней дыханьем бурным дышит.
Огромные валы
Стадами тучными на озере пасутся;
Под бурей двух стихий могильный холм дрожит;
Древа столетние, как гибки лозы, гнутся,
И с вихрем по полям зеленый лист летит.
Дрожа от холода, с поникшими главами,
Три розы милые сплетаются ветвями.
Но тщетно все! Час гибели пробил!
И ветер яростный тяжелыми крылами
Две розы юные безжалостно сломил!..

Исчезло все, что сердце здесь любило,
Что путника ласкало жадный взор!
И солнце светлое, поднявшись из-за гор,
Холодный гроб красавиц осветило!
Но волны озера не скрыли их в водах:
Шумя прозрачными крылами,
Они несли сирот на пенистых хребтах
И окропляли их жемчужными слезами.
Они плывут!..

Повито трауром, как факел погребальный,
Светило дня бросает луч прощальный,
Как бы преследуя, в последний их приют.
Но силы бури не слабеют:
Леса шумят, песок летит,
Вран черный жалобно кричит,
И волны озера белеют.
Они плывут! За валом вал
Бежит шумящую грядою
И вот, как запад догорал,
К пустому острову прибило их волною,
И ветер белыми песками закидал!..

О, что с тобой, певец весенних дней?
Кому твои серебряные трели?
Ты должен поменять волшебный блеск полей
На мрачные леса, на гробовые ели.
Никем не знаемый, ты станешь изнывать
В немой глухи уединенья
И в песнях жалобных лесам передавать
Твою тоску, твои мученья.

Но кто придет послушать песнь твою,
Кто затаит в груди пленительные звуки?
И голос твой замрет в порывах тяжких муки,
И ветер разнесет их бледную струю!
Наутро стихну ли порывы грозной бури;
Спокойно озеро; не тронется листок;
И царь светил восходит на восток,
Лия пурпурный блеск и пламень по лазури;
Сверкает искрами песок;
Горит алмазами кудрявая береза,
И темный бор златым осветился венцом.
Но на холме береговом
Цветет одна сиротка роза!
Спасенная под гибельной грозой
Крылом хранителя, отныне
Она одна своей пленительной красотой
Манит взор путника, заблудшего в пустыне,
И украшает холм родной!

1835

ПРОЩАНИЕ С ПЕТЕРБУРГОМ⁷⁴

Сокрылось солнце за Невою,
Роскошно розами горя...
В последний раз передо мною
Горишь ты, невская заря!
В последний раз в тоске глубокой
Я твой приветствую восход:
На небе родины далекой
Меня другое солнце ждет.
О, не скрывай, заря, так рано
Волшебный блеск твоих лучей
Во мгле вечернего тумана,
Во тьме безмесячных ночей!
О, дай насытить взор прощальный
Твоим живительным огнем,
Горящим в синеве хрустальной
Блестящим радужным венцом!..
Но нет! Румяный блеск слабеет
Зари вечерней; вслед за ней
Печальный сумрак хладом веет
И тушит зарево огней.
Сквозь ткани ночи гробовые

⁷⁴ Прощание с Петербургом (с. 117). Впервые – Библиотека для чтения, 1835, т. 9. Связано с ожиданием отъезда в Тобольск после окончания университета.

На недоступных высотах
Мелькают искры золотые, —
И небо в огненных цветах.
И стихнул ветер в снежном поле,
И спит престольный град царя...
О, не видать тебя мне боле,
Святая невская заря!
Ты вновь оденешь запад хладный
Огнями вечера; но, ах!
Не для меня их свет отрадный
Заблещет в розовых венцах.
Не для меня! В стране далекой,
Питомец бурей и снегов,
Блуждать я буду одинокой
В глухи подоблачных лесов.
Прими последнее прощанье!..
Прости и ты, о град державный,
Твердыня северных морей,
Венец отчизны православной,
Жилище пышное царей,
Петра могучее творенье!
О, кто б в великую борьбу,
Кто б угадал твоё рожденье,
Твою высокую судьбу?
Под шумом бурь грозы военной,
По гласу мощному Петра,
В лесах страны иноплеменной
Воздвиглась русская гора,
На ней воссел орел двуглавый,

И клик победный огласил⁷⁵
Поля пустынныя Полтавы
И груды вражеских могил.
И вновь бедой неотвратимой
Над дерзким галлом⁷⁶ прошумел, —
И пал во прах непобедимый,
И мир свободой воскипел!
О, сколько доблестных деяний
Вписала северная сталь
В дневник твоих воспоминаний,
В твою гранитную скрижаль!
В твоих священных храмах веют
Народной славой знамена,
И на гробах твоих светлеют
Героев русских имена.
Вот он — зиждитель твой чудесный,
Твой, полунощный Прометей⁷⁷!
Но тот похитил огнь небесный,
А твой носил в душе своей...
Россия при дверях могилы,
Ее держал татарский сон.

---

⁷⁵ «И клик победный огласил Поля пустынныя Полтавы...» – Речь идет о битве со шведами под Полтавой в 1709 году, переломном сражении в Северной войне 1700–1721 годов. Русская армия под командованием Петра I разгромила шведскую армию Карла XII.

⁷⁶ Дерзкий галл – французский император Наполеон Бонапарт (1769–1821).

⁷⁷ Прометей – в греческой мифологии титан, похитивший у Богов с Олимпа огонь и передавший его людям.

Явился Петр, – и в мертвы жилы
Дыханье жизни вдунул он.
Она восстала, Русь святая,
Могуща, радостна, светла
И, юной жизнью расцветая,
Годами веки протекла!..
Зари чудесного рожденья
В тебе блеснул вначале свет;
Ты был предтечей воскресенья
И первым вестником побед!
Летами юный, ветхий славой,
Величья русского залог,
Прости, Петрополь величавый,
Невы державный полуБог!
Цвети под радужным сияньем
Твоей блистательной весны
И услаждай воспоминаньем
Поэта сумрачные сны!

1835

ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ⁷⁸

Мой друг! Куда, в какие воды
Тебе послать святой привет
Любви и братства и свободы:
Туда ль, где дышит новый свет
С своими древними красами?
Или туда, в разбег морей,
Где небо сходится с волнами
Над грудью гордых кораблей?
Но где б ты ни был, я повсюду
Тебя душой моей найду,
Незримо в мысль твою войду,
И говорить с тобою буду.
О, ты поймешь меня, мой брат,
Мой милый спутник до могилы!
Пусть эти речи не блестят
Разливом пламени и силы;
Пускай не звучные, оне
Не ослепят судей искусства.
Зачем? Созревши в тишине,
На ниве огненного чувства,

---

⁷⁸ Послание к другу (с. 120). Впервые – Библиотека для чтения, 1836, т. 16. Рассматривалось как программное произведение самим автором и многими критиками. Посвящено К. И. Тимковскому, находящемуся в Русской Америке.

Они чуждаются прикрас.
Плод жаркий внутренних страданий, —
Его ли вынести на показ,
Одетый в жемчуг и алмаз?
Мой друг и спутник! Дай мне руку!
Я припаду на грудь твою
И всю болезнь, всю сердца муку
Тебе я в душу перелью!
Рожденный в недрах непогоды,
В краю туманов и снегов,
Питомец северной природы
И горя тягостных оков, —
Я был приветствован метелью,
Я встречен дряхлою зимой,
И над младенческой постелью
Кружился вихорь снежовой.
Мой первый слух был — вой бурана;
Мой первый взор был грустный взор
На льдистый берег океана,
На снежный горб высоких гор.
С приветом горестным рожденья
Уж было в грудь заранено
Непостижимого мученья
Неистребимое зерно.
Везде я видел мрак и тени
В моих младенческих мечтах:
Внутри — несвязной рой видений,
Снаружи — гробы на гробах.
Чредой стекали в вечность годы;

Светлело что-то впереди,
И чувство жизни и свободы
Забилось трепетно в груди.
Я полюбил людей как братии,
Природу – как родную мать,
И в жаркий круг моих объятий
Хотел живое все созвать.
Но люди...

Мне тяжек был мой первый опыт.
Но я их ненависть забыл,
И, заглушая сердца ропот,
Я вновь их в брате полюбил.
И все, что сердцу было ново,
Что вновь являлся очам,
Делил я с братом пополам⁷⁹.
И недоверчивый, суровый,
Он оценил меня. Со мной
Он не скрывал своей природы,
Горя прекрасною душой
При звуках, славы и свободы,
Но мне доверил тайну сил
Души-волкана; он открыл
Мне лучшие свои желанья,
Свои заветные мечты,

---

⁷⁹ «Делил я с братом пополам...» – П. П. Ершов очень любил своего брата Николая (1814–1834), они были неразлучны, вместе учились в гимназии, а затем в Петербургском университете (Николай – на математическом факультете, ему прочили блестящее будущее ученого).

И цель – по терниям страданья —
В лучах небесной красоты.
Не зная лучшего закона,
Как чести, славы и добра,
Он рос при имени Петра,
Горел на звук Наполеона.
Как часто в пламенных мечтах
Он улетал на берег дальний⁸⁰,
Где спит воитель колоссальный
В венцах победы и в цепях.
О, если б видел ты мгновенье,
Когда бесстрашных твердый строй
Шагал с музыкой боевой!
Он весь был жизнь! Весь вдохновенье!
Прикован к месту, он дрожал;
Глаза сверкали пылом боя...
Казалось, славный дух героя
Над ним невидимо летал!
Но он угас во цвете силы;
И с ним угасла жизнь моя.
И в мраке братния могилы
Зарыл заветное все я.
Я охладел к святым призваньям;
Моя измученная грудь
Жила еще одним желаньем —
Скорее с братом отдохнуть.
Но дух отца напомнил слово —

⁸⁰ «Он улетал на берег дальний...» – Имеется в виду остров Святой Елены, куда был сослан Наполеон.

Завет последний бытия;
Я возвратился к жизни снова...
Но что за жизнь была моя!
Привязан к персти силой крови, —
Любовью матери моей,
Я рвался в небо, в край любови,
В обитель тихую теней.
Но мне отказано в желаньи,
Я должен мучиться и жить
И дорогой ценой страданья
Грех малодушья искупить.
Я изминал на язвах муки
И голос сердца заглушал.
О, как тогда в святые звуки
Я перелить его желал!
Но для чего? Кому б поверил
Святую исповедь души?
Кто б из чужих ее измерил?..
Один, в полуночной тиши,
Склоняясь к холодному сголовью,
Я, безнадежный, плакал кровью,
И раны сердца раздирал.
Любить кого б любовью вечной —
Вот то, чего я так искал,
За что бы жизнь мою я дал
На муки жизни бесконечной.
Любовь! Любовь! Страданья цвет!
Венец страстей! Души светило!
Кому б ты сердца не открыла,

Не облекла его во свет?
Я все бы отдал – жизнь и славу,
Лишь бы из чаши бытия
Вкусить блаженство и отраву
В струях волшебного питья.
Но годы идут без возврата,
Напрасно сердце я зову;
И может быть, до дней заката
Я жизнь бесстрастно отживу.
Один, с сердечною тоскою,
По тернам долгого пути,
Нигде главы не успокою
На розах пламенной груди.
Пойду, бесстрастный, одиноко,
Железом душу окую
И пламень неба я глубоко
В пустыне сердца затаю.
А как бы мог любить я!.. Силы
Небес и ада и земли
От первой искры до могилы
Ее бы вырвать не могли!
О, нет! И самый смерти камень
И холод мертвенный могил
Не угасили б жаркий пламень:
И там бы я ее любил!..
Но что в мечтаньях? Эти грэзы,
Души желающей поток,
Не осушат мне сердца слезы, —
Я все средь мира одинок!..

Но прочь укор на жизнь, на веру!
Правдив всевышнего закон!
Я за любовь, мой друг, чрез меру
Твою дружбой награжден.
Я буду жить. Две славных цели
Священный день для нас открыл.
Желанья снова закипели;
Твой голос сердце пробудил.
Я вновь на празднике природы;
Я снова вынесу на свет
Мои младенческие годы
И силы юношеских лет.
Мой друг! Мой брат! С тобой повсюду!
На жизнь, на смерть и на судьбу!
Я славно биться с роком буду
И славно петь мою борьбу.
Не утомлен, пойду я смело,
Куда мне рок велит идти —
На наше творческое дело,
И горе ставшим на пути!..
И там, одеянный лучами,
Венец сияющий сниму,
И вновь с любовью и слезами
Весь мир, как брата, обниму.

КТО ОН?⁸¹

Он силен – как буря Алтая,
Он мягок – как влага речная,
Он тверд – как гранит вековой,
Он вьется ручьем серебристым,
Он брызжет фонтаном огнистым,
Он льется кипучей рекой.

Он гибок – как трость молодая,
Он крепок – как сталь вороная,
Он звучен – как яростный гром,
Он рыщет медведем косматым,
Он скачет оленем рогатым,
Он реет под туки орлом.

Он сладок – как девы лобзанья,
Он томен – как вздох ожиданья,
Он нежен – как голос любви,
Он блещет сияньем лазури,
Он дышит дыханием бури,
Он свищет посвистом Ильи.

Он легок – как ветер пустынный,
Он тяжек – как меч славянина,
Он быстр – как налет казака.
В нем гений полночной державы...

---

⁸¹ Кто он? (с. 126). Впервые – Современник, 1837, т. 6. Это был специальный номер журнала, посвященный памяти А. С. Пушкина.

О, где вы, наперсники славы?
Гремите!.. Вам внемлют века!

1837

ЗЕЛЕНЫЙ ЦВЕТ⁸²

Прелестно небо голубое,
Из вод истканное творцом.
Пространным, блещущим шатром
Оно простерто над землею.
Все так! Но мне милей
Зеленый цвет полей.

Прелестна роза Кашемира⁸³!
Весной, в безмолвии ночей,
Поет любовь ей соловей
При тихом веянье зефира.
Все так! Но мне милей
Зеленый цвет полей.

Прелестны бледно-сини воды!
В кристалле их – и свод небес,
И дремлющий в прохладе лес,
И блеск весенния природы.
Все так! Но мне милей
Зеленый цвет полей.

Прелестна лилия долины!
В одежде брачных четы,
Как кроткий ангел красоты,

⁸² Зеленый цвет (с. 127). Впервые – Современник, 1837, т. 7. Зеленый цвет – символ надежды.

⁸³ Кашемир (Кашмир) – область в Индии, славящаяся долинами роз.

Цветет в пустынях Палестины.
Все так! Но мне милей
Зеленый цвет полей.
Прелестны жатвы полевые!
При ярких солнечных лучах
Они волнуются в полях,
Как будто волны золотые.
Все так! Но мне милей
Зеленый цвет полей.

1837 (?)

КОЛЬЦО С БИРЮЗОЮ

Камень милый, бирюзовый,
Ненаглядный цвет очей!
Ах, зачем, мой милый камень,
Ты безвременно потух?
Я тебя ли не лелеял?
Я тебя ли не берег?
Что ж по-прежнему не светишь?
Что не радуешь очей?
Ах, я слышу, ах, я знаю,
Милый камень, твой ответ:
«Скоро, скоро нас оставит
Незабвенный ангел наш.
Свет очей ее небесных
Освещал меня собой
И дыханье уст прелестных
Оживляло красотой!»
Ты померкни, ты потускни,
Камень милый, дорогой!
Расколися, разломися,
Ты – заветное кольцо!
Что мне кольца, что мне камни,
Если нет со мной ее?
С ней и радость, с ней и счастье!
Без нее мне жизнь не в жизни!

1837

МУЗЫКА⁸⁴

Как небо южного восхода
Волшебный храм горит в огнях.
Бегут, спешат толпы народа...
«Роберт! Роберт!» – у всех в устах.
Вхожу. Разлив и тьмы и света.
В каком-то дыме золотом
Богини невского паркета
Роскошным зыблются венком.
Вот подан знак. Как моря волны,
Как голос мрака гробовой,
Звук Мейербера, тайны полный,
Прошел над внемлющей толпой.
Всё в слух! Могильное молчанье
Как гений над толпой парит;
В каком-то мрачном ожиданье
Душа томится и кипит.
И ткется звуков ткань густая,
И жарким облаком свилась;
По ней, прерывисто сверкая,

---

⁸⁴ Музыка (с. 130). Впервые – Библиотека для чтения, 1840, т. 40. Описано впечатление от первой оперы, поставленной с русскими певцами на петербургской казенной сцене, – «Роберт-Дьявол» Дж. Мейербера (премьера – 14 декабря 1834). Видимо, Ершов был на одном из первых премьерных представлений.

Трель огневая пронеслась.
Не так ли в мраке непогоды,
Огонь по ребрам туч лия,
Скользит зубчатый меч природы —
Молниеносная струя!
Мир чудесный! Мир мечтанья!
Рай земной небесных муз!
Чувств и звуков сочетанье
В гармонический союз!
Лейтесь, лейтесь, неба звуки!
Как отрадно в вас мечтать!
И в томленьях сладкой муки
Умирать и оживать!
Как отрадно в этом море
Волн гармонии живых
Забывать земное горе
И задумываться в них!
Улетать за вольным звуком
В область рая и чудес,
И проникнуть жадным слухом
На гармонию небес!
Упиваться их дыханьем,
Звучный бисер их ловить,
И на вспаханной страданьем
Ниве сердца хоронить!
Звуки ноют, звуки стонут,
Воплем чувства душу рвут,
То в гармонии потонут,
То в мелодии замрут...

Вдруг по взмаху чародея
Светлых звуков легкий рой,
Золотой мотив лелея,
Хлынул звонкою волной.
То совьются в ожерелье,
То раскинется в лучах,
То рассыпчатаю трелью
Задрожат на высотах.
Блещут молнии зарями
На аккордов мрачных сонм
И, осыпав всех цветами,
Исчезают легким сном...
Слыша звуки, я порою
У небес молю благих
Засыпать под их игрою
И проснуться вновь для них.

1837

К ДРУЗЬЯМ⁸⁵

Други, други! Не корите
Вы укорами меня!
Потерпите, подождите
Воскресительного дня.
Он проглянет – вновь проснется
Сердце в сладкой тишине,
Встрепенется, разовьется
Вольной пташкой в вышине.
С красным солнцем в небо снова
Устремит оно полет
И в час утра золотова
В сладкой песне расцветет.
Мир господен так чудесен!
Так отраден вольный путь!
Сколько зерен звучных песен
Западет тогда мне в груды!
Я восторгом их обвею,
Слез струями напою,
Жарким чувством их согрею,
В русской песне разолью.

---

⁸⁵ Друзьям («Други, други! Не корите...») (с. 133). Впервые – Альманах на 1838 год, изданный В. Владиславлевым. Спб., 1838 (цензурное разрешение – 17 декабря 1837). Ответ петербургским друзьям, упрекавшим Ершова в творческой бездеятельности.

И на звук их отзовется
Сердце юноши тоской,
Грудь девицы всколыхнется,
Стают очи под слезой.

1837

ВОПРОС⁸⁶

Поэт ли тот, кто с первых дней созданья
Зерно небес в душе своей открыл,
И как залог верховного призванья
Его в груди заботливо хранил?
Кто меж людей душой уединялся,
Кто вокруг себя мир целый собирал;
Кто мыслию до неба возвышался
И пред творцом во прах себя смирял?
Поэт ли тот, кто с чудною природой
Святой союз из детства заключил;
Связал себя разумною свободой
И мир и дух созданью покорил?
Кто воспитал в душе святые чувства,
К прекрасному любовию дышал;
Кто в области небесного искусства
Умел найти свой светлый идеал?
Поэт ли тот, кто всюду во вселенной
Дух божий – жизнь таинственно прозрел,
Связал с собой и думой вдохновенной
Живую мысль на всем напечатлел?
Кто тайные творения скрижали,
Не мудрствуя, с любовию читал;
Кого земля и небо вдохновляли,

⁸⁶ Вопрос (с. 134). Впервые – Библиотека для чтения, 1838, т. 30.

Кто жизнь с мечтой невольно сочетал?
Поэт ли тот, кто нить живых сказаний
На хартии⁸⁷ сочувственно следил;
Кто разгадал хаос бытописаний
И опытом себя обогатил?
Кто над рекой кипевших поколений,
В глухой борьбе народов и веков,
В волнах огня, и крови, и смятений, —
Провидел перст правителя миров?
Поэт ли тот, кто светлыми мечтами
Волшебный мир в душе своей явил,
Согрел его и чувством и страстями,
И мыслию высокой оживил?
Кто пред мечтой младенцем умилялся,
Кто на нее с любовию взирал;
Кто пред своим созданьем преклонялся
И радостно в восторге замирал?
Поэт ли тот, кто с каждой каплей крови
Любовь в себя чистейшую приял;
Кто и живет и дышит для любви,
Чья жизнь — любви божественный фиал?
Кто все готов отдать без воздаянья,
И счастье дней безжалостно разбить,
Лишь только бы под иглами страданья
Свою мечту прекрасную любить?
Поэт ли тот, кто, в людях сиротея,
Отвергнутый, их в сердце не забыл;

---

⁸⁷ Хартия — старинная рукопись.

Кто разделял терзанья Прометея,
И для кого скалой мир этот был?
Кто, скованный ничтожества цепями,
Умел сберечь венец души своей;
Кто у судьбы под острыми когтями
Не изменил призванью первых дней?
Поэт ли тот, кто холод отверженья
Небесною любовью превозмог,
Врагам принес прекрасные виденья,
Себе же взял терновый лишь венок?
Кто не искал людских рукоплесканий;
Своей мечте цены не положил
И в чувстве лишь возвышенных созданий
Себе и им награду находил?
Пусть судит мир! Наследник благодати —
Пророк ли он, иль странник на земле?
Горит ли знак божественной печати
На пасмурном, мыслительном челе?
Пусть судит он! — Но если мир лукавый,
Сорвав себе видений лучший свет,
Лишит его и имени и славы,
Пускай решит: кто ж он — его Поэт?

1837, август

К МУЗЕ⁸⁸

Прошла чреда душевного недуга;
Восходит солнце прежних дней.
Опять я твой, небесная подруга
Счастливой юности моей!
Опять я твой! Опять тебя зову я!
Покой виновный мой забудь,
И светлый день прощенья торжествуя,
Благослови мой новый путь!
Я помню дни, когда вдали от света
Беспечно жизнь моя текла,
Явилась ты с улыбкою привета
И огнь небес мне в грудь влила.
И вспыхнул он в младенческом мечтанье,
В неясных грезах, в чудных снах,
И полных чувств живое излиянье —
Речь мерная дрожала на устах.
Рассеянно, с улыбкою спокойной,
Я слушал прозы склад простой,
Но весело, внимая тени стройной,

⁸⁸ К музе (с. 137). Впервые — Утренняя заря. Альманах на 1839 год, изданный В. Владиславлевым. Спб., 1839 (цензурное разрешение — 15 ноября 1838). Этим стихотворением открывается цикл лирических произведений, посвященных первой жене поэта — Серафиме Александровне Лещевой, урожденной Протопоповой, вдове полевого инженера-полковника Н. Лещева.

Я хлопал в такт ребяческой рукой.
Пришла пора, и юноша счастливый
Узнал, что крылося в сердечной глубине;
Я лиру взял рукой нетерпеливой,
И первый звук ответил чудно мне.
О, кто опишет наслажденье
При первом чувстве силы в нас!
Забилось сердце в восхищеньи
И слезы брызнули из глаз!
«Он твой – весь этот мир прекрасный!
Бери его и в звуках отражай!
Ты сильный царь! С улыбкою всевластной
Сердцами всех повелевай!»
Внимая гордому сознанью,
Послушный звук со струн летел,
И речь лилась цветущей тканью,
И вдохновеньем взор горел.
Я жил надеждами Богатый...
Как вдруг, точа весь яд земли,
Явились горькие утраты⁸⁹
И в траур струны облекли.
Напрасно в дни моей печали
Срывал я с них веселый звук:
Они про гибель мне звучали,
И лира падала из рук.
Прощайте ж, гордые мечтанья!..

⁸⁹ «Явились горькие утраты...» – Имеется в виду смерть родных – отца П. И. Ершова (1834), брата Николая (1834) и матери Е. В. Ершовой, урожденной Пиленковой (1838).

И я цевницу⁹⁰ положил
Со стоном сжатого страданья
На свежий дерн родных могил.
Минули дни сердечной муки;
Вздохнул я вольно в тишине.
Но прежних дней живые звуки
Мечтались мне в неясном сне.
И вдруг – в венце высокого смиренья,
Блистая тихою, пленительной красой,
Как светлый ангел утешенья,
Она явилась предо мной!
Простой покров земной печали
Ее воздушный стан смыкал;
Уста любовию дышали
И взор блаженство источал.
И был тот взор – одно мгновенье,
Блеснувший луч, мелькнувший сон;
Но сколько в душу наслажденья,
Но сколько жизни пролил он!
Прошла чреда душевного недуга;
Восходит солнце новых дней.
Опять я твой, небесная подруга
Счастливой юности моей!
Сойди ж ко мне! Обвей твоим дыханьем!
Согрей меня небесной теплотой!
Взволнуй мне грудь святым очарованьем!
Я снова твой! Я снова твой!

---

⁹⁰ Цевница – старинный музыкальный инструмент.

Я вновь беру забытую цевницу,
Венком из роз, ликуя, обовью,
И буду петь мою денницу,
Мою звезду, любовь мою!
Об ней одной с зарей востока
В душе молитву засвечу,
И, засыпая сном глубоко,
Ее я имя прошепчу.
И верю я, невинные желанья
Мои исполнятся вполне:
Когда-нибудь в ночном мечтанье
Мой ангел вновь предстанет мне.
А может быть⁹¹,
Мой жаркий стих к ней долетит,
И звук души, внущенный ею,
В ее душе заговорит.
И грудь поднимется высоко,
И мглой покроются глаза,
И на щеке, как перл востока,
Блеснет нежданная слеза!..

1838, 7 сентября

---

⁹¹ Сказать робею.

ПРАЗДНИК СЕРДЦА⁹²

О светлый праздник наслажденья!
Зерно мечтаний золотых!
Мне не изгладить впечатленья
Небесных прелестей твоих.
Они на внутренней скрижали,
На дне сердчной глубины,
Алмаза тверже, крепче стали,
Резцом любви проведены.
И с каждым трепетом дыханья,
И с каждым чувством бытия
Святого дня воспоминанья
В моей душе читаю я.
Но, чуждый черных света правил,
Я стражи чистой красоты
К вратам души моей приставил:
То – скромность девственной мечты!
И никогда в ней взор лукавый
Заветной тайны не прочтет,
И для бессмысленной забавы
В толпе пустой не разнесет.

---

⁹² Праздник сердца (с. 140). Впервые – Утренняя заря. Альманах на 1839 год, изданный В. Владиславлевым. Спб., 1839. Посвящено С. А. Лещевой.

1838, 10 сентября

ДВЕ МУЗЫ

С первой искрою сознанья
Поэтической мечты
Я живу в цепях влиянья
Двух наперсниц красоты.
Я покорен их веленью;
На призывный голос их
Верным эхом в то ж мгновенье
Откликается мой стих.
Без него ж, как в сени гроба,
Сердце дремлет в тишине...
Но не вместе, а особо
Мне являются оне.
Власть равна их надо мною,
И задолго наперед
Я предчувствую душою
Их властительный приход.
Так порой в тоске глубокой
Вольной грудью вдруг вздохну
И вокруг себя далеко
Ясным взором я взгляну.
Наслажденьем в душу канет
Жизни светлая струя,
И с улыбкой мне предстанет
Муза первая моя.

Дышит негой грудь царицы,
Зноем чувств уста горят,
Сквозь шелковые ресницы
Пылкой страстью блещет взгляд.
И, лилейною рукою
Быстро вскинул шелк кудрей,
Станет муга предо мною
В полноте красы своей.
Весь в роскошном чувстве млея,
Жаждой прелести томим,
Остаюсь я перед нею
Безответен, недвижим...
Вдруг волшебница снимает
Разноцветный с плеч убор
И, ласкаясь, накрывает
На меня воздушный флер.
Вмиг светлее пред глазами
Возникает мир иной —
Мир, увенчанный цветами!
Мир поэзии земной!
Безгранична картина!
Небо, воздух и земля —
Все здесь слито воедино
В цвет прекрасный бытия!
Всюду светлою волною
Плещет сердца глубина,
И дрожит всей полнотою
Жизни звучная струна!
Тает грудь от наслаждений,

И, роскошествуя в них,
Мощь цветущих песнопений
Бьет ключом стихов живых.
А в иные дни, средь шума
Веселящихся гостей,
Ляжет на сердце мне дума
Мрачной полночи мрачней.
Все темнеет предо мною,
Скучен, дик веселый пир,
Отзываются тоскою
Звон стекла и звуки лир.
И, покорный управленью
Повелительной руки,
Я спешу в уединенье
Пить до капли яд тоски.
Ноет сердце, ожидая
Новой музы... И она
Предстает ко мне, вздыхая,
Будто лилия бледна.
Томный взор повит слезою,
На устах печаль лежит,
Под душевною грозою
Грудь прекрасная дрожит.
Вдруг страдалица, с улыбкой
Руку сжав мне горячо,
Как от ветра колос гибкой,
Припадет мне на плечо.
Долго грустными очами
Мне в глаза она глядит

И дрожащими устами
Что-то сердцу говорит.
Льется в душу тихий шепот
Вдохновительных речей,
Как разлуки грустный ропот,
Как напев в тиши ночей.
Слыша сердцем эти звуки,
Я не помню сам себя,
Изнываю в сладкой муке
И блаженствую, скорбя.
А она все развивает
Черный креп свой предо мной
И, вздыхая, опускает
Над мою головой.
Я смотрю, и мир унылый
Глыбой мертвою лежит.
Пред открытою могилой
Молодая жизнь стоит,
Вьет венок из роз и терний...
А над грудами костей
Сыщен хохот грубой черни
И стенания людей...
Рвется грудь моя тоскою,
И в страданиях немых
Поэтической слезою
Тихо катится мой стих.

12 сентября 1838

ШАТЕР ПРИРОДЫ

Помост его – зеленая равнина;
Ковры цветов раскинуты на нем:
Здесь снег лилей, тут пурпур розмарина,
А там зерно в отливе золотом.
От всех сторон над ним сапфирным сводом
Наклон небес торжественно навис;
А по краям зубчатым переходом
Идет лесов готический карниз.
То лентами, то цветною волною
Сгиб облаков на пологе бежит;
А наверху светило золотое,
Как легкий шар, блистательно горит.

1838, 11 октября

ОСЬМИСТИШИЯ⁹³

1

Сон миновался души. Снова живу я.
Есть для меня на земле радость и счастье.
Радость приносит цветы на жертвенник сердца,
А счастье готово излить на них ароматы.
Феникс родился из пепла, о други! Я верю,
Искра огня Прометея уж пала на жертву;
Миг – и радужно вспыхнет она, и сердца
Алтарь запылает святым огнем возрожденья.

9 октября 1838

---

⁹³ Осьмистишия (1. «Сон миновался души. Снова живу я...» 2. Слезы) (с. 146). Впервые: 1 – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950; 2 – Библиотека для чтения, 1840, т. 40. Это два первых акrostиха, посвященных С. А. Лещевой.

2

Сладостны слезы для сердца в тоске безотрадной.
Есть они у меня, но жалко мне их проливать.
Раны души облегчил бы я ими, я знаю,
А все-таки их берегу я до лучшей поры.
Фиал многоценный души я все наполняю слезами
И жду той минуты, когда, жизни и чувств в полноте,
Млея, паду я на грудь к моей ненаглядной,
А сердце забьется, заплещет и брызнет алмазным
ключом.

24 октября 1838

ЖЕЛАНИЕ ЛЮБВИ

Няня, что это такое
Нынче сделалось со мной?
Изнывает ретивое
Под неведомой тоской.
Все кого-то ожидаю,
Все об ком-то я грущу;
Но не знаю, не сгадаю,
Что такое я ищу.
Помнишь, няня, как, бывало,
В светлом тереме моем
Я резвилась, распевала,
Не заботясь ни о чем.
А теперь твоя шалунья
Пригорюнившись сидит:
Пало на душу раздумье,
Сердце ноет и болит.
Смех подружек мне досаден,
Игры их не веселят,
И нестатен, непригляден
Мне мой праздничный наряд.
Нет мне солнца в полдень ясный,
Мир цветет не для меня,
Опостыл мне терем красный,
Опостыла жизнь моя.

Няня! Няня! Что за чудо
Нынче сделалось со мной?
Что – добро оно иль худо
Мне пророчит, молодой?

1838, 14 октября

СОН

Друзья! Я видел сон чудесный.

Но что такое значит он?

Глашатай воли он небесной,

Или пустой, житейский сон,

Души тревожное движенье,

Одна игра воображенья? —

Судите вы.

Мечталось мне,

Что я стою на вышине

Холма крутого. Под ногами,

Среди акаций и берез,

Ручей в венке из пышных роз

Журчал игривыми струями.

И, отражая небо, нес

Живые перлы горных слез

И исчезал в дали незримой.

А там вблизи, гремя о скат

Холма, волной неукротимой,

Как буря, лился водопад.

Вставал столбами млечной пены,

Дробился пылью голубой,

И на границе отдаленной

В морскую грудь, боец надменный,

Вливался бурною рекой.

Один задумчивый, безмолвный
Я на холме крутом стоял,
И с струй ручья на бурны волны
Мой жадно взор перебегал.
Мечта сменялася мечтою:
То светлых струй своих игрою
Меня манил к себе ручей;
Я любовался красотою
Его зыбей, его полей:
«Как все спокойно здесь! Как мило!
Когда прошла бы жизнь моя,
Как струйка этого ручья
От колыбели до могилы!»
Так думал я. Но вскоре шум
И блеск нагорного потока
Своей поэзией высокой
Другую мысль вливали в ум;
И эта мысль была кипуча
Как водопад, была сильна
Как бездны бурная волна.
Вдруг, мнится мне, из недра тучи
Раздался голос громовой:
«Смотри! Две жизни пред тобой:
Избрать тебе даю свободу.
Пойми, узнай свою природу
И там не медля выбирай.
Ручей – безвестной жизни рай,
Поток – величия зерцало!»
Сказал – и снова тишина!

Сомненье душу взволновало,
И пробудился я от сна.

1838, 3 декабря

ПЕРЕМЕНА

Проходят дни безумного волненья,
Душа зовет утраченный покой;
Задумчиво уж чашу наслажденья
Я подношу к устам моим порой.

Другая мысль в уме моем теснится,
Другое чувство движет мою грудь;
Мне вольный круг цепями становится,
Хочу в тиши отраднее вздохнуть.

Исчез обман мечты самолюбивой,
Открылась вся дней прежних пустота,
Другую мне рисует перспективу
В дали годов спокойная мечта.

Домашний кров, один или два друга,
Поэзия – мена простых затей.
А тут любовь – прекрасная подруга,
И вокруг нее веселый круг детей.

1838, 9 декабря

ПЕРВЫЙ ВЕСЕННИЙ ЦВЕТОК⁹⁴

Утро дохнуло прохладой. Ночные туманы, виясь,
Понеслися далёко на запад. Солнце приветно
Взглянуло на землю. Все снова живет и вкушает
Блаженство. Но ты не услышишь уж счастья,
О замок моих прародителей! Пусть солнце
Своим лучом золотит шпицы башен твоих,
Пусть ветер шумит в твоих стенах опустелых,
Пусть ласточка щебечет под высоким карнизом
Веселую песню, – ты не услышишь уж жизни
И счастья. Склоняся уныло над тихой долиной,

---

⁹⁴ Первый весенний цветок (с. 152). Впервые – Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцева. Спб., 1872. По словам Ярославцева, это стихотворение было написано на листе с рисунком, на котором изображены «вправо, на высоком берегу реки – замок с башнями; на противоположном низменном берегу – могила, на ней крест, под елью, за нею влево – береза, начало леса. Из-за высокого берега подымается солнце. Стихотворение, поверх рисунка, озаглавлено: «Первый весенний цветок». Возможно, этот заголовок не относился к стихотворению. Однако Ярославцов поясняет смысл заголовка следующим образом: «Это первый весенний цветок, первая песнь, первая мечта, вылетевшая из груди молодого поэта, так охваченной, казалось, любовью и вожделеною будущностью!.. Но отчего ж среди упоения готовящегося блаженства вдруг неожиданно первым цветком, первую песнию являются глубоко грустные мысли, предметы печальной думы?» (с. 61, 62).

Башни твои как будто смотрят на эту могилу,
Где скончано все, что тебя оживляло.
О, если б подслушать, что говорит одинокая ель
над тобою,
Зачем преклоняет к земле вершину свою
И слезы росы отрясает с листьев своих!
О, если б прочесть, что мох начертал на стенах
опустелых,
Много бы, много сказали эти тайные буквы;
Их поняло б сердце, мечта бы их полюбила,
И чувство, глубокое чувство их затаило.

16 марта 1839

ДРУЗЬЯМ

Друзья! Оставьте утешенья,
Я горд, я не нуждаюсь в них.
Я сам в себе найду целенья
Для язв болезненных моих.
Поверьте, я роптать не стану
И скорбь на сердце заключу,
Я сам нанес себе ту рану,
Я сам ее и залечу.

Пускай та рана грудь живую
Палящим ядом облила,
Пускай та рана, яд волнуя,
Мне сердце юное сожгла:
Я сам мечтой ее посеял,
Слезами сладко растравлял,
Берег ее, ее лелеял —
И змея в сердце воспитал.

К чему же мой бесплодный ропот?
Не сам ли терн я возрастил?
Хвала судьбе! Печальный опыт
Мне тайну новую открыл.
Та тайна взор мой просветлила,
Теперь загадка решена:
Коварно дружба изменила,
И чем любовь награждена?..

А я, безумец, в ослепленье
Себя надеждами питал,
И за сердчное мученье
Я рай для сердца обещал.
Мечта отрадно рисовала
Картину счастья впереди,
И грудь роскошно трепетала,
И сердце таяло в груди.
Семейный мир, любовь святая,
Надежда радостей земных —
И тут она, цветок из рая,
И с нею счастье дней моих!
Предупреждать ее желанья,
Одной ей жить, одну любить
И в день народного признанья
Венец у ног ее сложить.
«Он твой, прекрасная, по праву!
Бессмертной жизнию живи.
Мое же все счастье, вся слава
В тебе одной, в твоей любви!»
Вот мысль, которая живила
Меня средь грустной пустоты
И ярче солнца золотила
Мои заветные мечты...
О, горько собственной рукою
Свое созданье истребить
И, охладев как лед душою,
Бездушным трупом в мире жить,
Смотреть на жизнь бесстрашным оком,

Без чувств – не плакать, не страдать,
И в гробе сердца одиноком
Остатков счаствия искать!
Но вам одним слова печали
Доверю, милые друзья!
Вам сердца хладного скрижали,
Не покраснев, открою я.
Толпе ж, как памятник надгробный,
Не отзовется скорбный стих,
И не увидит взор холодный
Страданий внутренних моих.
И будет чуждо их сознанья,
Что кроет сердца глубина —
И дни, изжитые в страданье,
И ночи жаркие без сна.
Не говорите: «Действуй смело!
Еще ты можешь счастлив быть!»
Нет, вера в счастье отлетела,
Неможно дважды так любить.
Один раз в жизни светит ясно
Звезда живительного дня.
А я любил ее так страстно!
Она ж... любила ли меня?
Для ней лишь жизнь моя горела
И стих звучал в груди моей,
Она ж... любовь мою презрела,
Она смеялась над ней!
Еще ли мало жарких даней
Ей пылкий юноша принес?

Вы новых просите страданий,
И новых жертв, и новых слез.
Но для того ли, чтобы снова
Обидный выслушать ответ,
Чтоб вновь облечь себя в оковы
И раболепствовать?.. О нет!
Я не унижусь до молений,
Как раб, любви не запрошу.
Исток души, язык мучений
В душе, бледнея, задушу...
Не для нее святая сила
Мне пламень в сердце заключила,
Нет, не поймет меня она!
Не жар в груди у ней – могила,
Где жизнь души скончана.

Июнь 1839

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР⁹⁵

Воет ветер, плачут ели,
Вьются зимние метели;
Бесконечной пеленой
Виснет хмара над страной.
Ни ответа ни привета —
Лишь порою глыба света
Дивной радуги игрой
Вспыхнет тихо за горой;
Лишь порою, дея чары,
Глянет месяц из-за хмары,
Словно в повязи венца
Лик холодный мертвца.
Скучно! Грустно! Что же, други,
Соберемтесь на досуге
Укоротить под рассказ
Зимней скуки долгий час!
Пусть в пылу бессильной злобы
Вьюга вьет, метет сугробы,
Пусть могильный часовой,
Ворон, плачет над трубой.
Что нам нужды? Мы содвинем

⁹⁵ Зимний вечер (с. 156). Впервые – Библиотека для чтения, 1841, т. 44 (цензурное разрешение – 31 декабря 1840). Существует вариант под заголовком «Зимняя фантазия».

Круг веселый пред камином
И пред радостным огнем
Песнь залетную споем.
Сок янтарный полной чаши
Оживит напевы наши,
И под холодом зимы
Юг роскошный вспомним мы.

1839

МОЯ ПОЕЗДКА⁹⁶

Выезд

Город бедный! Город скушный!
Проза жизни и души!
Как томительно, как душно
В этой мертвенной глуши!
Тщетно разум бедный ищет
Вдохновительных идей;
Тщетно сердце просит пищи
У безжалостных людей.
Изживая без сознанья
Век свой в узах суэты,
Не поймут они мечтанья,
Не оценят красоты.
В них лишь чувственность без чувства,
Самолюбье без любви,
И чудесный мир искусства
Им хоть бредом назови...

---

⁹⁶ Моя поездка (Выезд. Поле за заставой. Песня птички. Скорая езда. Дорога. Гроза.) (с. 157). Впервые: 1–5 – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950; 6 – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. Цикл состоит из 10 стихотворений, написанных под впечатлением от поездок в одно из живописных мест под Тобольском – Ивановское.

Прочь убийственные цепи!
Я свободен быть хочу...
Тройку, тройку мне – и в степи
Я стрелою полечу!
Распахну в широком поле
Грудь стесненную мою,
И, как птичка, я на воле
Песню громкую спою.
Звучно голос разольется
По волнам цветных лугов;
Мне природа отзовется
Эхом трепетным лесов.
Я паду на грудь природы,
Слез струями оболью
И священный день свободы
От души благославлю!

Поле за заставой

Пал шлагбаум! Мы уж в поле...
Малый, сдерживай коней!
Я свободен!.. Я на воле!..
Я один с мечтой моей!..
Дай подольше насладиться
Этой зеленью лугов!
Дай вздохнуть мне, дай упиться
Сладким воздухом цветов!..
Грудь, стесненная темницей,
Распахнулась – широка.
Тише, сердце! Вольной птицей
Так и рвется в облака!..
Как чудесна мать-природа
В ризе праздничной весны, —
С дальней выси небосвода
До подводной глубины!
Широка, как мысль поэта,
Изменяясь, как Протей⁹⁷, —
Здесь она в разливе света,
Там в игре живых теней.
То картина, то поэма,
И, везде красой полна,

---

⁹⁷ Протей – в греческой мифологии божество, способное принимать любой облик.

Светлым зеркалом Эдема⁹⁸
Раскрывается она.
Все в ней – жизнь и свет и звуки:
Подходи лишь только к ней
Не с анализом науки,
А с любовию детей.

---

⁹⁸ Эдем – рай, по Библии, страна, где обитали Адам и Ева до грехопадения.

Песня птички

Чу! В черемухе душистой,
Без печали, без забот,
Перекатно, голосисто
Птичка вольная поет.
Легокрылая певица!
Где, скажи, ценитель твой?
Для кого твой звук струится
Мелодической волной?
Слышу – птичка отвечает:
«Я пою не для людей,
Звук свободный вылетает
Лишь по прихоти моей.
Мне похвал ничьих не надо:
Слышат, нет ли – что нужды?
Сами песни мне награда
За веселые труды.
Я ценителей не знаю,
Да и знать их не хочу,
Коль поется – распеваю,
Не поется – я молчу.
Я свободна; что мне люди?
Стану петь мой краткий срок;
Был бы голос в легкой груди,
Было б солнце да лесок».
Пой, воздушная певица!

Срок твой краток, но счастлив.
Пусть живой волной струится
Светлых звуков перелив!
Пой, покуда солнце греет,
Рощи в зелени стоят,
Юг прохладой сладкой веет
И курится аромат!

Скорая езда

Вот дорога столбовая,
В перспективной красоте,
По холмам перебегая,
Исчезает в высоте.
Что за роскошь, что за нега,
Между поля и лесов,
В вихре молнийного бега
Мчаться прытью скакунов!
Прихотливо прах летучий
Темным облаком свивать
И громаду пыльной тучи
Светлой искрой рассекать!
С русской мощною отвагой
Беззаботно с вышины
Низвергаться в глубь оврага
Всем наклоном крутизны!
И опять, гремя телегой,
По зыбучему мосту
Всею силою разбега
Вылетать на высоту!..
Сердце бьется, замирает...
Чуть-чуть дух переведешь...
И по телу пробегает
Упоительная дрожь.
Хочешь дальше насладиться —

Хочешь ветер обогнать...
Но земная грудь боится
Бег небесный испытать.

Дорога

Тише, малый! Близко к смене;
Пожалей коней своих;
Посмотри, они уж в пене,
Жаркий пар валит от них.
Дай вздохнуть им в ровном беге,
Дай им дух свой перенять;
Я же буду в сладкой неге
Любоваться и мечтать.
Мать-природа развивает
Предо мною тьму красот;
Беглый взор не успевает
Изловить их перелет,
Вот блеснули муравою
Шелковистые луга
И бегут живой волною
В переливе ветерка;
Здесь цветочной вьются нитью,
Тут чернеют тенью рвов,
Там серебряною битью⁹⁹
Осыпают грань холмов.
И повсюду над лугами,
Как воздушные цветки,

---

⁹⁹ Бить – тонкая металлическая лента для вышивания и золотошвейных работ.

Вьются вольными кругами
Расписные мотыльки.
Вот широкою стеною
Поднялся ветвистый лес,
Охватил поля собою
И в седой дали исчез.
Вот поскотина; за нею
Поле стелется; а там,
Чуть сквозь тонкий пар синея,
Домы мирных поселян.
Ближе к лесу – чистополье
Кормовых лугов, и в нем,
В пестрых группах, на раздолье
Дремлет стадо легким сном.
Вот залесье: тут светлеет
Нива в зелени лугов,
Тут под жарким небом зреет
Золотая зыбь хлебов.
Тут, колеблемый порою
Перелетным ветерком,
Колос жатвенный в покое
Наливается зерном.
А вдали, в струях играя
Переливом всех цветов,
Блещет лента голубая
Через просеку лесов.

Гроза

Вот уж с час – к окну прикован,
Сквозь решетчатый навес
Я любуюсь, очарован,
Грозной прелестью небес.
Море туч, клубясь волнами,
Затопило горний свод
И шумит дождей реками
С отуманных высот.
Гром рокочет, пламя молний
Переломанной чертой
Бороздит седые волны
Черной тучи громовой.
Чудодейственная сила
Здесь на темных облаках
Тайный смысл изобразила
В неизвестных письменах.
Счастлив тот, кто чистым оком
Видит мир, кому дана
Тайна – в помысле глубоком
Разобрать те письмена.
Не с боязнью суевера,
Не с пытливостью ума,
Но с смиреньем чистой веры
Он уловит смысл письма.
Чу, удариł гром летучий,

Гул по рощам пробежал,
И, краса лесов дремучих,
Кедр столетний запылал!
Старец дряхлый! Как прекрасна,
Как завидна смерть твоя!
Ты погиб в красе ужасной
От небесного огня.
Ты погиб, но, гордый, силу
В час последний сохранил
И торжественно могилу
Чудным блеском озарил.
Вида труп твой почернелый,
Зверь свирепый убежит
И далекие пределы
Диким воем огласит.

1840

ПАЛЫ¹⁰⁰

Ночь простерта над лугами;
Серой тенью брезжит лес,
И задернут облаками
Бледный свет ночных небес.
Тройка борзая несется,
Дремлют возчик и ездок,
Только звонко раздается
Оглушительный звонок.
Мрак полночи, глуши пустыни.
Заунывный бой звонка,
Омраченные картины,
Без рассвета облака, —
Все наводит грусть на душу.
Все тревожит мой покой
И холодной думой тушит
Проблеск мысли огневой.
Вдруг блеснуло на поляне...
Что так рано рассвело?
То не месяц ли в тумане?
Не горит ли где село?
Тройка дальше. Свет яснее;

---

¹⁰⁰ Палы (с. 164). Впервые – Ершов П. Стихотворения. Л., 1936. Относится к циклу, состоящему из 8 стихотворений, своеобразных «отрывков», связанному с «Моей поездкой».

Брызжут искры здесь и там;
Круг огня стает полнее
И скользит по облакам.
Миг еще – и пламя встало
Грозно-огненной стеной,
И далеко разметало
Отсвет зарева живой.
Дальше! Дальше! Блеск пожара
Очи слабые слепит;
Ветер дышит пылом жара,
Дымом, пламенем клубит.
Стой, ямщик! Ни шагу дале...
И тревожно кони встали,
Роя землю и храпя.

1840 (?)

«ПРИРОДА СКРЫТА В РИЗЕ НОЧИ...»¹⁰¹

Природа скрыта в ризе ночи,
Творенья в сон погружены,
Небес недремлющие очи
Едва мерцают с вышины.
Везде покой. Чуть ветер веет,
Отрадной свежестью дыша...
Одно мое лишь сердце млеет,
Одна грустит моя душа.
О чём же грусть? Мечты ль былые
Волнуют пламенную кровь,
Или потери роковые,
Иль безнадежная любовь?
О, нет! Суровой жизни холод
Давно мечты уж потушил,
Давно судьбы тяжелый молот
Мне сталью сердце закалил...

1840 (?)

---

¹⁰¹ «Природа скрыта в ризе ночи...» (с. 166). Впервые – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950 (под заголовком «Отрывок»). Относится к тому же циклу стихотворений, что и «Палы».

«ОДИН, СПОКОЕН, МОЛЧАЛИВ...»¹⁰²

Один, спокоен, молчалив,
Лежал я ночью в поле чистом,
И надо мной шатром тенистым —
Небес безоблачный разлив.
Мой дух с какою-то отрадой
Стремился ввысь, далёко от земли,
И я дышал надежною прохладой:
То небо веяло вдали!
Порою лишь чудесным легким звуком
Меня на миг на землю привлекал,
И снова я и взорами, и слухом
В высоком небе утопал.
Полночный час, покой, уединенье
И глубь небес над головой —
Все, все вело воображенье
На пир фантазии живой.
Она вкусила нектар рая!
Она вкусила хлеб небес!
И сердце жаркое, в восторге утопая,

¹⁰² «Один, спокоен, молчалив...» (с. 167). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. Относится к циклу из 8 стихотворений – «отрывков».

Лилось потоком сладких слез!

1840 (?)

ЭКСПРОМТ¹⁰³

Чуждый бального веселья,
В тишине один с собой,
Я играю от безделья
Поэтической игрой.
Пусть в веселый вихорь танца
Юность резвая летит
И под мерный тakt каданса
Ножка легкая кружит,
Пусть кипучею волною
В страстной неге дышит грудь
И роскошной полнотою
Соблазнит кого-нибудь...
Огражденный от соблазна
Ранней опытностью лет,
Я смотрю как зритель праздный
На волнующий их свет.
Веселитесь, я мечтаю,
Дважды юность не цветет...
Пусть надежда золотая
Вас цветами уберет!
Пусть любви очарованье
Эти розы возрастит,

---

¹⁰³ Экспромт (с. 168). Впервые – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950.
Посвящено С. А. Лещевой.

И житейский мрак страданья
В жаркий луч позолотит.

1840, 11 октября

КЛАД ДУШИ

Богач! К чему твои укоры?
Зачем, червонцами звеня,
Полупрезрительные взоры
Ты гордо бросил на меня!
О нет! Совсем не беден я!
Меня природа не забыла:
Богатый клад мне подарила.
О, если б мог ты заглянуть
В мою сокровищницу — грудь!
Твой жадный взор бы растерялся
В роскошной сердца полноте,
И ты бы завистью снедался
К моей Богатой нищете.
Смотри: я грудь мою раскрою,
Раскрою сердца глубину
И этой бедною рукою,
Богач, рассыплю пред тобою
Мою несметную казну.
Цени ж!..
Вот здесь сапфир бесценный —
Святая вера. В мраке дней,
В тумане бед, во тьме скорбей
Он жарко льет душе смущенной
Отрадный блеск своих лучей.

Не мощь земли его родила,
Излит небесным он огнем,
И чудодейственная сила
Таинственно хранится в нем.
Он мне блестит звездой завета,
В молитве теплится свечой;
Любви духовной в царстве света
Он обручальный перстень мой.
Когда ж в чаду страстей дыханья
Потускнет грань его, одна
Слеза святая покаянья
Смывает туск его пятна.
И в день, как кончится тревога
Мятежной жизни, может быть,
Могу я им к престолу Бога
Свободный доступ искупить.
Вот перлы здесь – живые чувства
К чудесным мира красотам,
К высокой прелести искусства,
Ко вдохновительным мечтам.
Всмотрись, Богач, в мои монисты:
В них нет пылинки для хулы;
Они, как снег нагорный, чисты,
Как небо божие, светлы!
Они Богатою звездою
Лежат на сердце у меня
И блещут чудною игрою
В лучах душевного огня.
Я с каждым днем их украшаю

И кистью творческой мечты
На блеск их яркой чистоты
Живое золото снимаю
С Богатой нивы красоты.
А вот, как бриллиант Востока,
В миллионы искр огранено,
Лежит на сердце одиноко
Любви скатное зерно,
На самом дне груди скрыто
До роковой своей поры,
Оно таинственно повито
Слоями тусклыми коры.
Но миг – кора с него спадает,
Оно льет свет и теплоту
И в чудных видах отражает
Земное небо – красоту.
Волной тревожной в сердце бьется,
Сверкает пламенем в глазах,
В огне румянца тихо льется
И дышит жаром на устах!
Скажи, Богач, еще ли мало
Тебе Богатств? Ужель велиишь
Еще откинуть покрывало
С других сокровищ?.. Так смотри ж!
Вот славы здесь венец блестящий,
Вот чести пояс золотой,
Вот жезл фантазии творящей,
Вот яхонт верности святой!
А эти радужные ткани,

Богатство внутренних одежд —
Глубоких сердца упований
И сердца ветреных надежд?
А ключ кипящий песнопенья?
А слез, небесных слез родник?
А грусти сладкие мученья?
А светлых помыслов цветник?
Теперь раскрой передо мною
Богатство, равное с моим,
И я покорной головою
Склонюсь смиренной перед ним.

1840 (?)

В АЛЬБОМ С. П. Ж<ИЛИНОЙ>¹⁰⁴

Как часто с родственным участьем
Об вас задумчиво я небо вопрошал,
Вас оделял возможным в мире счастьем
И счастье тихое в глазах у вас читал.
Да, вас судьба благословила,
Вам душу мирную дала,
Во взоре ясность засветила
И в сердце радость низвела.
Вам суждено без непогоды
Земное море пережить,
Цветами дней отметить годы
И, быв любимой, жизнь любить.
О, тот счастлив, кто вас узнает,
Кто вас полюбит от души:
Он полным сердцем испытает
Весь рай семейственной души

1840

---

¹⁰⁴ В альбом С. П. Ж<илиной> (с. 173). Впервые – Ершов П. Избранные сочинения. Омск, 1937. Софья Петровна Жилина – тобольская знакомая поэта (см. также примечание к следующему стихотворению).

НА ОТЪЕЗД А. П. И С. П. Ж<ИЛИНЫХ>¹⁰⁵

Счастливый путь! Счастливый путь!
Привет, всех благ вам на дорогу!
Скрепите трепетную грудь
В прощальный час молитвой к Богу.
И он вас в путь благословит
Всемощным манием десницы,
И в легком отблеске денницы
Пред вами ангел полетит.
Крылом отвеет ваши слезы,
Пробудит радости в груди
И утешительные розы
Рассыплет всюду на пути.
Когда ж порой во мраке ночи
Заснете вы отрадным сном,
Представит он пред ваши очи
В мечте родительский ваш дом.
И вас коснется звук священный
Благословения отца,
И голос матери бесценный

¹⁰⁵ На отъезд А. П. и С. П. Ж<илиных> (с. 173). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. Анна Петровна и С. П. Жилины – дочери тобольского чиновника П. Д. Жилина, члены кружка ссыльных декабристов, в июне 1841 года выехали в Москву.

Проникнет радостью сердца...
Но вот ямщик уж у порога...
Скрепите ж трепетную грудь!..
Привет, всех благ вам на дорогу!
Счастливый путь! Счастливый путь!

14 июня 1841

«ЭКСПРОМТЫ НА НОВЫЙ 1842 ГОД»

1

Новый год! Новый год!
Что забот, что хлопот
Полон лоб, полон рот!
Так ревет весь народ
Натощак в Новый год.

2

Двенадцать бьет! Двенадцать бьет!
И канул в вечность старый год
Под ношей суэтных стремлений
И прозаических забот.
Миг ожидания... и вот,
Как некий дух, как светлый гений,
Вступает новый, юный год
С надеждой божеских щедрот
И утешительных видений.

1 января 1842

«НЕ ТОТ ЛЮБИЛ, ЛЮБВИ КТО СВЕДАЛ СЛАДОСТЬ...»

Не тот любил, любви кто сведал сладость,
Кому любовь была на радость;
Но тот любил, кто с первых дней любви
Елеем слез поил палящий жар крови;
Кто испытал все муки и терзанья
Любви отвергнутой; кто в сердце склонил
Последний луч земного упованья,
А в глубине души молился и любил!

1843 (?)

ГРУСТЬ

В вечерней тишине, один с моей мечтою
Сижу измученный безвестною тоскою.
Вся жизнь прошедшая, как летопись годов,
Раскрыта предо мной: и дружба, и любовь,
И сердцу сладкие о днях воспоминанья
Мешаются во мне с отравою страданья.
Желал бы многое из прошлого забыть
И жизнью новою, другою пережить.
Но тщетны поздние о прошлом сожаленья:
Мне их не возвратить, летучие мгновенья!
Они скрылись и унесли с собой
Все, все, чем горек был и сладок мир земной...
Я точно как пловец, волной страстей влекомый,
Из милой родины на берег незнакомый
Невольно занесен: напрасно я молю
Возврата сладкого на родину мою,
Напрасно к небесам о помощи взываю
И плачу, и молюсь, и руки простираю...
Повсюду горестный мне слышится ответ:
«Живи, страдай, терпи – тебе возврата нет!»

«РАНО УТРОМ ПОД ОКНОМ...»¹⁰⁶

Рано утром под окном,
Подпершия локотком,
Дочка царская сидела,
Вдаль задумчиво глядела;
И порою, как алмаз,
Слезка капала из глаз.

А пред ней ширинкой¹⁰⁷ чудной
Луг пестрелся изумрудный,
А по лугу ручеек
Серебристой лентой тек.
Воздух легкий так отрадно
Навевал струей прохладной!
Солнце утра так светло
В путь далекий свой пошло!
Все юнело, все играло,
Лишь царевна тосковала
Под косящатым окном,

---

¹⁰⁶ «Рано утром под окном...» (с. 177). Впервые – Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцева. Спб., 1872.Отрывок задуманной Ершовым еще в 1830-е годы в Петербурге грандиозной поэмы «Иван-царевич». Сохранившийся фрагмент относится к части поэмы, написанной в 1840-х годах, но уничтоженной по неизвестным нам причинам самим автором.

¹⁰⁷ Ширинка – широкое расшитое полотенце.

Подпершия локотком.
Наконец она вздохнула,
Тихо ручками всплеснула,
И, тоски своей полна,
Так промолвила она:
«Всех пространней царство наше,
Всех девиц я в свете краше
Бела личика красотой,
Темно-русою косой,
Нежной шеей лебединой,
Речью звонкой соловьиной;
Дочь единая отца,
Я краса его дворца...»

1845 (?)

ВОСПОМИНАНИЕ

Я счастлив был. Любовь вплела
В венок мой нити золотые,
И жизнь с поэзией слила
Свои движения живые.
Я сердцем жил. Я жизнь любил,
Мой путь усыпан был цветами,
И я веселыми устами
Мою судьбу благословил.
Но вдруг вокруг меня завыла
Напастей буря, и с чела
Венок прекрасный сорвала
И цвет за цветом разронила.
Все, что любил, я схоронил
Во мраке двух родных могил.
Живой мертвец между живыми,
Я отдыхал лишь на гробах.
Красноречив мне был их прах,
И я сроднился сердцем с ними.
Дни одиночества текли,
Как дни невольника. Печали,
Как глыбы гробовой земли,
На грудь болезненно упали.
Мне тяжко было. Тщетно я
В пустыне знойного страданья

Искал струи воспоминанья:
Горька была мне та струя!
Она души не услаждала,
А жгла, томила и терзала.
Хотя бы слез ниспал поток
На грудь, иссохшую в печали;
Но тщетно слез глаза искали,
И даже плакать я не мог!
Но были дни: в душе стихало
Страданье скорби. Утро дня
В душевной ночи рассветало,
И жизнь сияла для меня.
Мечтой любви, мечтой всесильной
Я ниспускался в мрак могильный,
Труп милый обвивал руками,
Сливал уста с ее устами
И воплем к жизни вызывал.
И жизнь на зов мечты являлась,
В забвенье страсти мне казалось —
Дышала грудь, цвели уста
И в чудном блеске открывалась
Очей небесных красота...
Я плакал сладкими слезами,
Я снова жил и жизнь любил,
И, убаюканный мечтами,
Хотя обманом счастлив был.

ТРИ ВЗГЛЯДА¹⁰⁸

Когда ты взглянешь на меня
Звездами жизни и огня —
Твоими черными глазами:
Глубоко в грудь твой взор падет,
Забьется сердце и замрет,
Как будто птичка под сетями.
Но новый взгляд твоих очей, —
И в тот же миг в груди моей
Цветок надежды расцветает:
И светит сердцу свет сквозь тьму,
И сладок милый плен ему,
И цепи милые лобзает.
Но что ж, когда в твоих глазах
Сквозь тучи, в молнийных огнях
Любовь заблещет роковая?
О сердце, сердце! Этот взгляд
Осветит блеском самый ад
И разольет блаженство рая...

1846

---

¹⁰⁸ Три взгляда (с. 180). Впервые — Современник, 1846, т. 44. Посвящено второй жене поэта — Олимпиаде Васильевне, урожденной Кузьминой.

ОПРАВДАНИЕ¹⁰⁹

Толпа любовь мою винит,
И между тем она согласна,
Что мной избранная прекрасна.
О чем же буйная шумит?
Ужели чувство – преступленье?
Ужели должен я просить,
Как подаянья, позволенья
И ненавидеть, и любить?
«Она твою быть не может!»
Я знаю сам и не хочу
Покой души ее тревожить,
И чувство в сердце заключу.
Сдержу желаний пылких волю,
Мятежный жар сомну в крови,
Но и в забвенье не позволю
Прорваться слову о любви.
И не узнает, не услышит
Она о тайне от меня —
Что ею только сердце дышит,
Что ею только мил свет дня.
Но для чего же мне неволить
Влеченье чистое мое

---

¹⁰⁹ Оправдание (с. 181). Впервые – Современник, 1846, т. 43.
Посвящено О. В. Кузьминой.

И молчаливо не позволить
Мне любоваться на нее?
Но для чего же мне украдкой
Волшебных взглядов не ловить,
Не услаждаться речью сладкой,
Дыханья уст ее не пить?..
О, сколько раз в толпе бесстрастной,
Томимый жаждой красоты,
Я. не сводил очей с прекрасной,
Лелея светлые мечты!
Сдержав тревожное дыханье,
Забыв себя, забыв людей,
Я погружался в созерцанье
Любви возвышенной моей.
Минуты чудные! Казалось,
Перед возвышенной душой
Мне небо света открывалось
С своею вечной красотой.
О, только лишь художник-гений,
Ловя чудесный идеал,
В часы божественных видений
Подобный образ создавал!
И помню я: как тополь стройный,
Во цвете лет, облечена
Красой и гордой, и спокойной,
Стояла царственно она.
Волнисто-чудной диадимой,
В гирлянде жемчуга и роз,
Вился изгиб неуловимый

Благоухающих волос.
Сияло мыслию высокой
Ее лилейное чело,
И все лицо, как день Востока,
И ясно было, и светло.
Во влаге блещущей эмали,
Под дымкой шелковых ресниц,
Глаза пленительно сияли
Красою северных зарниц.
И переменно отражались
На них мечты живой игрой:
То блеском полдня разгорались,
То в сумрак ночи погружались,
Блистая звездною слезой.
А эти розы щек живые!
А эти – прелесть, красота,
Любви созданье – огневые,
Нектарно-влажные уста!
Могучей силы чарованья
На них положена печать,
И может их одно лобзанье
И вдунуть жизнь, и жизнь отнять.
А плеч роскошные разбеги
В сиянье млечной белизны!
А груди пышной, полной неги,
Две чародейские волны!
В них жизнь всю полноту излила,
А прелесть формы обвела...
А страсти пламенная сила

Их горделиво подняла...
Все, все в ней было обольщенье,
И мне казалось, что она
Олимпа древнего явленье,
Героподобная жена¹¹⁰!

1846

---

¹¹⁰ Героподобная жена – подобная Богине Гере, в греческой мифологии супруге Зевса.

МОЯ ЗВЕЗДА¹¹¹

Ночь несчастий потушила
Свет живительного дня,
И отсюду окружила
Мраком гибельным меня.
Без надежды на спасенье
Я блуждал во тьме ночной,
Вера гибла, гроб сомненья
Раскрывался предо мной.
Вдруг увитая лучами,
Мрачной ночи красота,
Воссияла пред очами
Неба новая звезда.
Лучезарною одеждой
Как царица убрана,
Умиленьем и надеждой
Взору светится она.
Очарован, околдован
Дивной прелестью лучей,
Жадно взор мой к ней прикован,
Сердце рвется встречу к ней...
О, гори передо мною,
Ненаглядная моя!

---

¹¹¹ Моя звезда (с. 184). Впервые – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950.
Посвящено О. В. Кузьминой.

Для меня теперь с тобою
Ночь пленительнее дня!

1846

ХРАМ СЕРДЦА

Когда, покинув мир мечты,
В свое я сердце погружаюсь,
Я поневоле ужасаюсь
Его печальной пустоты.
Как храм оставленный в пустыни,
Оно забвенью предано,
Без фимиама, без святыни...
В нем все и дико, и темно!
Лишь ядовитый змей страданья
Ползет тропой воспоминанья
И на поблекшие цветы
Рано потерянного счастья
Отраву льет шипучей пастью
Во мраке скорбной темноты.
Везде печальные гробницы
Надежд и радостей былых,
И редко, редко луч денницаы,
Как лепту, бросит свет на них.
А было время: чудным зданьем
Здесь возвышался жизни храм
И сладких чувств благоуханьем
Курился сердца фимиам.
Надежды чистого елея
Лампада дней была полна,

И все отрадней, все свежее
Горела счастием она.
Но миг – и все восколебалось!
Алтарь любви повержен в прах!
На опустевших ступенях
Воспоминанье лишь осталось.
И день и ночь оно с тоской
Чего-то ищет меж гробами,
И роет пепел гробовой,
И плачет горькими слезами.

1846

«ПЕЧАЛЬНЫ БЫЛИ НАШИ ДНИ...»¹¹²

Печальны были наши дни;
В заботах жизни обиходной,
Как смутный сон, текли они
Чредой бесцветной и бесплодной.
Но Вы являетесь средь нас
С волшебной пальмою искусства,
И жизнь души отозвалась
На чудный звук порывом чувства.
И все, что сердца в глубине
Затаено святого было,
По звуку вещему струны
В живой аккорд заговорило.

30 августа 1849

---

¹¹² «Печальны были наши дни...» (с. 188) Впервые – Ершов П. П., Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. На автографе Тобольского музея помета автора: «Е<е> пр<евосходительству> А. В. Э. от любителя музыки». В списке, хранящемся в ЦГАЛИ, примечание: «Поднесено по окончании концерта в пользу бедных».

НОС

Лиро-эпическое произведение, исполненное поэзии и философии

Поэты! Род высокомерный!
Певцы обманчивых красот!
Доколе дичью разномерной
Слепить вы будете народ?
Когда проникнет в вас сознанье,
Что ваших лживых струн бряцанье —
Потеха детская? Что вы,
Оставив путь прямой дороги,
Идете, положась на ноги,
Без руководства головы?
О, где, какие взять мне струны,
Какою силой натянуть,
Чтоб бросить мщения перуны
В их святотатственную грудь?
Каким молниеносным взором
Вонзиться в душу их укором,
Заставить их вострепетать?
Изречь весь стыд их вероломства
И на правдивый суд потомства

Под бич насмешек их отдать?
В неизъяснимом ослепленье
Ума и сердца, искони
Священный ладан песнопенья
Курили призракам они.

Мечту¹¹³

Рядили в пышные одежды,
А истый образ красоты,
Вполне достойный хвал всемирных,
Не отзывался в звуках лирных
Певцов заблудших суеты!
Все, все: и перси наливные,
Ресницы, брови, волоса,
Уста, ланиты, стопы, выи,
Десницы, шуйцы, очеса, —
Весь прозаический остаток,
Короче, с головы до пяток
Все, все воспел поэтов клир,
Всему принес он звуков дани,
Облек во блеск очарований
И лиру выставил на пир.
А нос — великий член творенья,
А нос — краса лица всего
Оставлен ими в тьме забвенья,
Как будто б не было его.
В причины ум свой углубляю,
Смотрю, ищу — не обретаю.

---

¹¹³ О жалкие невежды!

Но, как новейший философ,
Решу оружием догадки:
«Или носы их были гадки,
Иль вовсе не было носов!»
О нос! О член высокородный!
Лица почетный гражданин!
Физиономии народной
Трибун, глашатай, верный сын!
По непонятной воле рока
Ты долго, долго и глубоко
Дремал в пыли, забвен и сир.
Но днесь судьбой того ж устава
Ты должен пыль счихнуть со славой
И удивить величьем мир.
Нет! нет! Не знал тот вдохновенья,
Кто взялся б словом изъяснить
Весь пыл, всю бурю восхищенья
При мысли — новый мир открыть,
Воспеть не то, что было пето,
Предмет неведомый для света
Во всем сиянье показать,
Раскрыть огромный мир Богатства
И в сонм рифмованного братства
Коломбом новым гордо стать.
Теперь я созерцаю ясно —
Зачем мне жизнь судьба дала,
Зачем гармонии прекрасной
В груди мне струны напрягла,
Зачем природы мудрой сила

Такой мне нос соорудила
И невидимая рука
В часы приятного мечтанья
Производила щекотанье
В носу то крепко, то слегка.
Итак, вперед! На честь, на лавры!
Пускай могучий, звонкий стих
Отгрянет вдруг, как дробь в литавры,
Во слух читателей моих!
Пусть ливнем льется вдохновенье
Во славу нового творенья,
На удивление племен!
Да пронесется туча звуков
Над головами внуков внуков
Чрез бесконечный ряд времен!

1858 (?)

АЛЕКСЕЮ ЕГОРОВИЧУ ВИКТОРОВУ¹¹⁴

Любитель древности и русской старины,
Друг юношей, любимейший учитель!
Почто, скажи, почто, хоть ради новизны,
Почто скажи, родителей мучитель,
Не хочешь ты стяжать бессмертия венец?
То был бы дар тебе родительских сердец,
Коль речью бы одной ум юношей питал
И книги покупать их реже посыпал.
И сколь была б тогда твоя завидна слава,
Что ты без Нестора¹¹⁵ и русского Стоглава¹¹⁶
Орленков на гнезде полет приготовляешь

---

¹¹⁴ Алексею Егоровичу Викторову (с. 193). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. А. Е. Викторов (1827–1883) – основатель и хранитель Отдела рукописей и славянских старопечатных книг Московского Румянцевского музея (ныне в составе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), библиограф, археограф.

¹¹⁵ Нестор-летописец (конец XI – начало XII в.) – монах Киево-Печерского монастыря, предполагаемый автор «Повести временных лет» и житийных сочинений, древнерусский писатель.

¹¹⁶ Стоглав – свод постановлений церковного собора 1551 года, содержащий сведения об общественной жизни, политической борьбе и быте Русского государства XVI века.

И куплей груды книг меня не разоряешь.
Воззри ты оком милосердным
На шкаф, хранилище наук.
В нем тесно книгам уж вмешенным,
В нем места не найдет паук.
А всё мне книги шлет Салаев,
Книгопродавец Глазунов¹¹⁷,
Вчера же втиснут был Буслаев¹¹⁸,
Сегодня прется Милюков¹¹⁹.
А сердце так и замирает,
Когда в пучине старины
Я зрю, как мой птенец ныряет
И тонет в бездне новизны.
О, как страшусь, что захлебнется,
Где испытания скала,
Иль о скалу он разобьется,
Как разбивается волна.
Но ты, изведавший пучины,
О кормчий опытный! не скрой —
Страшиться есть ли мне причины
Скалы иль камней под водой.

15 декабря 1860

---

¹¹⁷ Силаев, Глазунов – книгоиздатели XIX века, выпускавшие в основном учебники и сочинения классиков русской литературы.

¹¹⁸ Ф. И. Буслаев (1818–1897) – академик, русский филолог и искусствовед, автор трудов по языкоznанию, фольклористике и истории искусства.

¹¹⁹ А. П. Милюков (1817–1897) – историк русской литературы.

В. А. АНДРОННИКОВУ¹²⁰

Ты просишь на память стихов,
Ты просишь от дружбы привета...
Ах, друг мой, найти ли цветов
На почве ненастного лета?
Прошли невозвратно они,
Поззии дни золотые.
Погасли фантазьи огни,
Иссякли порывы живые.
В житейских заботах труда
Года мой восторг угасили,
А что пощадили года,
То добрые люди убили.
И я, как покинутый челн,
Затерпый в холодные льдины,
Качаюсь по прихоти волн
Житейской мятежной пучины...
Напрасно, как конь под уздой,
Я рвусь под мучительной властью.
И только отрадной звездой
Сияет семейное счастье.

---

¹²⁰ В. А. Андронникову (с. 195). Впервые – Сибирские огни, 1940, № 4–5 (отрывок); полностью – «Сибирские огни», 1946, № 4. В. А. Андронников – тобольский знакомый Ершова. В доме Андронниковых собирались тобольская интеллигенция и ссыльные декабристы.

1860-е годы

ОДИНОЧЕСТВО

Враги умолкли – слава Богу,
Друзья ушли – счастливый путь.
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней управлюсь как-нибудь.
Затишье душу мне тревожит,
Пою, чтоб слышать звук живой,
А под него еще, быть может,
Проснется кто-нибудь другой.

1860-е годы

PARBLEU OU POUR LE BLEU¹²¹

Уж эти мне друзья, друзья!¹²²
А. П.

1

Исполняю обещанье,
Вашим данное друзьям,
Посылаю к вам собранье
Небогатых эпиграмм.
Может быть, в них мало соли,
Перцу ж слишком, может быть.
Предаю на вашу волю —

¹²¹ Черт побери или ради неба (фр., игра слов). Parbleu ou pour le bleu (с. 197). Впервые: 1–2, 4–7 – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976; 3, 8 – Бухштаб Б. Козьма Прutков, П. П. Ершов и Н. А. Чижов // Омский альманах, кн. 5, 1945. Цикл состоит из 12 эпиграмм, здесь публикуются 1–8. Посвящены тобольскому архитектору Степанову, который играл заметную роль в общественной жизни города. В начале 1840-х годов он вместе с Ершовым принимал участие в устройстве любительских спектаклей. Цикл был известен В. М. Жемчужникову и послужил источником для эпиграммы К. Пруткова «Раз архитектор с птичицей спознался...»

¹²² «Уж эти мне друзья, друзья!» – из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. 4, XVIII).

И смеяться, и бранить.
Впрочем, выскажу здесь прямо¹²³:
Вы достойны эпиграммы,
Отдаю вам эту честь.
Honni soit qui mal y pense¹²⁴!

---

¹²³ Не примите лишь за лесть

¹²⁴ Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (фр.).

2

Гостиных лев, герой приятельских пирушек,
Наш Дон Жуан девиц всех свел с ума.
Того и жди начнется кутерьма
В кисейной области чувствительных пастушек.
Чему ж завидовать? Безумье не резон,
И с сотворения кадрили
Красавицы ему всегда должок платили,
А только вряд ли выиграл бы он,
Когда б они немножко не блажили.

3

В постройках изощрясь градской архитектуры,
Наш зодчий захотел девицам строить cour'ы¹²⁵.
Но верен все-таки остался наш Протей
Строительной профессии своей:
Во всех делах его видны – одни фигуры.

---

¹²⁵ Строить cour'ы (фр. faire la cour) – ухаживать.

4

Наш зодчий Дон Жуан превыше всех похвал!
В любви и в зодчестве он неизменных правил:
Везде прехитрое начало основал,
А исполнение благой судьбе оставил.

5

Что за диковинка? Наш зодчий, зал герой,
Летает от одной красавицы к другой.
Сегодня той кадит, а завтра ту чарует,
А смотришь, в третий день обеих их надуёт.
Ну, словом, нет конца
Проделкам молодца!
Чему ж дивиться тут? Ведь он – проектирует!

6

Рожденный львом, судьбе наперекор,
Наш Дон Жуан хотел прослыть и зодчим.
Но вышло так, что славный он танцор,
А архитектор – между прочим.

7

Салонов лев, львов маленьких протектор¹²⁶,
Диктатор вечеров, концертов дирижер —
На все наш Дон Жуан и ловок, и хитер:
Ведь экой архитектор!

---

¹²⁶ Протектор — покровитель.

8

Постройки с танцами желая согласить,
Наш зодчий Дон Жуан весь гений свой натужил
И, нечего греха таить,
Разнообразные таланты обнаружил.
Но тут не разберет и самый Соломон¹²⁷ —
Дурачится ли он или других дурачит:
Танцуя, cour'ы строит он,
А от построек долго скакет.

1854 (?)

---

¹²⁷ Соломон – по Библии, иудейский царь, славившийся необычайной мудростью.

ЛЮБИТЕЛЬНИЦАМ ВОЕННЫХ

Мне странно слышать, откровенно
Пред вами в этом сознаюсь,
Что тот умен лишь, кто военный,
Что тот красив, кто фабрит ус.
Ужель достоинства примета
В одной блестящей мишуре,
А благородство – в эполетах,
А ум возвышенный – в перे?
Пускай наряд наш и убогий,
Но если глубже заглянуть —
Как часто под смиренной тогой
Кипит возвышенная грудь!
Как часто шляпою простою
Покрыто мудрое чело;
А под красивой мишурою
Одно ничтожество легло.
Я не люблю давать советы,
И только вскользь замечу тут,
Что золотые эполеты
Ума глупцу не приладут,
Что¹²⁸
Урод останется уродом,
Хоть пять усов ему пришей.

---

¹²⁸ Молвлю тут же мимоходом, По русской правде, без затей.

А если разобрать построже,
Так выйдет чисто – что в руках
Одно перо порой дороже
Всех петухов на головах.

ЭПИГРАММЫ¹²⁹

Поклонникам латыни¹³⁰

1

Гибло наше просвещенье,
Смерть была невдалеке,
Вдруг, о, радость! Есть спасенье —
Во латинском языке.
Если ж нас латынь обманет,
Все же выигрыш и тут,
Что слов у нас не станет —
Всюду asin'ы¹³¹ пойдут!

---

¹²⁹ Эпиграммы (с. 201). Большинство из них написано в 1860-е годы и отражают общественно-политические взгляды и интересы поэта в последние годы жизни.

¹³⁰ Поклонникам латыни (с. 201). Впервые – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950. В «Мыслях о гимназическом курсе» поэт писал, что латинский язык «без причины поставлен краеугольным камнем образования» и «виной этому только схоластика подражательная».

¹³¹ Ослы (от лат. *asinus*).

2

«Эврика, эврика!
В латыни вся сила!» —
Vir doctus¹³² кричит.
«Не ври-ка, не ври-ка!» —
Ум русский педанту
В ответ говорит.

---

¹³² Ученый муж (лат.).

Старые и новые порядки¹³³

При старых порядках судебное дело
Лет двадцать, не больше, в приказе¹³⁴ сидело;
А ныне в неделю сутяга иной
Раз двадцать притащит тебя в мировой¹³⁵.

---

¹³³ Старые и новые порядки (с. 201). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976.

¹³⁴ Приказ – в допетровскую эпоху орган центрального управления и судопроизводства.

¹³⁵ Мировой – вид суда с упрощенным судопроизводством, учрежденный уставом 1864 года.

Проект нового закона

Дабы прогресс с законом согласить
И женщин приравнять к мужчине,
Мы дозволяем им отныне
Усы и бороду носить.

По прочтении одной газетной статьи

Лакеи вообще народ не достохвальный,
Но гаже всех из них лакей официальный.

М. Знаменскому¹³⁶

Судьбою данный капитал
Он на копейки разменял
И сыплет их в народ горстями...
С невольной грустью я спросил:
Кого, мой друг, обогатил
Ты миллионными частями?

---

¹³⁶ М. Знаменскому (с. 202). Впервые – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950. Михаил Степанович Знаменский (1833–1892) – близкий знакомый Ершова, тобольский общественный деятель, художник-карикатурист, сотрудник журнала «Искра». Известны карикатуры Знаменского на Ершова, карандашный портрет поэта, иллюстрации к «Сузге».

А. И. Деспоту-Зеновичу¹³⁷

Тебя я умным признавал,
Ясновельможная особа,
А ты с глупцом меня сравнял...
Быть может, мы ошиблись оба!

---

¹³⁷ А. И. Деспоту-Зеновичу (с. 202). Впервые – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950. Александр Иванович Деспот-Зенович (1828–1895) – тобольский губернатор в 1862–1867 годах.

Купцу Плеханову¹³⁸

Сибирский наш Кащей
Всю жизнь обманывал людей,
И вот на старости, чтоб совесть успокоить,
Давай молебны петь и Богадельни строить.

---

¹³⁸ Купцу Плеханову (с. 202). Впервые – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950. Плехановы – одна из известнейших в Тобольске купеческих фамилий.

К одной филантропке

В филантропическом припадке
Она дрожит, как в лихорадке,
Готова свет весь обобрать
И бедным братьям все отдать.
Но чуть какой бедняк неловкой,
Знакомый мало со сноровкой,
Пред ней обмолвится... Как раз
Его в полицию тотчас!

«Превосходительство и превосходство...»¹³⁹

Превосходительство и превосходство —
Два сына матери одной,
Но между ними то же сходство,
Что между солнцем и луной!

---

¹³⁹ «Превосходительство и превосходство...» (с. 203). Впервые – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950. Превосходительство (ваше превосходительство) – обращение в дореволюционной России к чиновникам 4-3-х классов, генерал-майорам, генерал-лейтенантам, контр-адмиралам и вице-адмиралам.

«Чему завидовать, что некий господин...»¹⁴⁰

Чему завидовать, что некий господин
В превосходительный¹⁴¹ пожалован был чин.
Когда бы ум его на миг хоть прояснился,
То сам бы своего он чина постыдился!

---

¹⁴⁰ «Чему завидовать, что некий господин...» (с. 203). Впервые – Ершов П. П. Сочинения. Омск, 1950.

¹⁴¹ Превосходительный чин – поэт имеет в виду чин, в соответствии с которым к человеку официально необходимо обращаться: «Ваше превосходительство».

Нигилисту-естественнику

Ты говоришь, что без изъятья
Мы все родня, что все мы братья.
Ну что ж? Прекрасные слова!
Но слов одних для дела мало:
Ведь по закону естества
Необходимы для родства
Единый род, одно начало.
Но здесь-то целый океан
Положен вами в разделенье:
Ведь мы – Адама поколенье,
А вы – потомки обезьян.

«Палестину нашу...»¹⁴²

Палестину¹⁴³ нашу
Покидает он.
Заварил в ней кашу,
Да и драла вон.
Как же у порога
Нам не затянуть:
«Скатертью дорога,
Боераком путь».

---

¹⁴² «Палестину нашу...» (с. 204). Впервые – Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцева. Спб., 1872.

¹⁴³ Палестина – здесь: отчий дом, родные места.

«Такой народ здесь хлебосол...»

Такой народ здесь хлебосол,
И так попить душа в нем рвется,
Что приезжай хоть бы осел,
А он уж с радости напьется.

«Его со спичами в устах...»¹⁴⁴

Его со спичами¹⁴⁵ в устах
Встречали мы!
Его на трепетных руках
Качали мы!
И бочку целую в слезах
Кончали мы!

---

¹⁴⁴ «Его со спичами в устах...» (с. 204). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976.

¹⁴⁵ Спич – краткая торжественная речь, произносимая на банкете, званом обеде.

Некоему прогрессисту¹⁴⁶

Он ходит Байроном меж нами,
Прогрессом сыплет, как дресвой¹⁴⁷,
Он точно Байрон – вверх ногами!
Он прогрессист – вниз головой!

---

¹⁴⁶ Некоему прогрессисту (с. 205). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976.

¹⁴⁷ Дресва – мелкий щебень или крупный песок.

Публицисту-педагогу

Как публицист – Россия им гордится,
Как педагог – ни к черту не годится!

«Двум тощим выходцам...»

Двум тощим выходцам наш город-худотел
Права почетного гражданства предоставил.
И сам от этого не больно потолстел,
И новым гражданам он жиру не прибавил.

«Мои друзья Федулы...»

Мои друзья Федулы
Куда как щедры на посулы.
Послушать их – так, право, благодать:
Готовы за тебя чертят себя продать.
А только попроси презренного металла,
Ценой хоть в два четвертака,
Такого от тебя дадут они скачка,
Какого публика и в цирке не видала.

«До сих бы пор я отвергал...»¹⁴⁸

До сих бы пор я отвергал
Ученье новое Дарвина,
Когда б тебя не увидал,
Перерожденная скотина.

---

¹⁴⁸ «До сих бы пор я отвергал...» (с. 205). Впервые – Ершов П. П. Конек-горбунок, Стихотворения. Л., 1976. По свидетельству Н. Н. Лещева (пасынка поэта), эпиграмма посвящена тобольскому врачу А. Черемшанскому.

«Осел останется ослом...»¹⁴⁹

Осел останется ослом,
Хоть дай ему магистерский диплом.

---

¹⁴⁹ «Осел останется ослом...» (с. 206). Впервые – Ершов П. П. Коек-горбунок. Стихотворения. Л., 1976. Первая строка эпиграммы – цитата из оды Г. Р. Державина «Вельможа».

«Не забыта мать-Россия...»

Не забыта мать-Россия
У небесного царя.
Всюду реки медовые
И молочные моря.
И Богатым и убогим
Пир готов на каждый день.
Дело только за немногим:
Ложку в руки взять нам лень.